

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

НАМАНГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАФЕДРА АРХИВОВЕДЕНИЕ

КОДИРОВА ЗИЛОЛАХОН

**КОЛОНИАЛЬНАЯ СИСТЕМА ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**Научный руководитель: преподаватель,
Вахобов Ботирали Михайлович**

НАМАНГАН – 2016

СОДЕРЖАНИЯ:

ВВЕДЕНИЕ.....	3-17
ГЛАВА I. СТАНОВЛЕНИЕ И СТРУКТУРА КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ В 60-Е - СЕРЕДИНЕ 80-Х ГОДОВ	XIX
ВЕКА.....	18-45
1.1. Туркестанская область: образование и организация власти.....	18-26
1.2. Структура и функции власти в Туркестанском генерал-губернаторстве.	26-45
ГЛАВА II. СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЕ И ЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ В КОНЦЕ XIX -НАЧАЛЕ XX В.....	46-80
2.1.Реформирование колониального режима в конце XIX века.....	46-64
2.2. Аппарат управления, его состав и деятельность.....	64-80
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	81-84
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	85-90

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. С обретением государственной независимости и выходом Узбекистана на международную арену в качестве полноправного субъекта первоочередной задачей стало создание правовой базы сотрудничества нашей республики с зарубежными странами в экономической, научно-технической и гуманитарной сферах. Как отметил И. А. Каримов «Независимость позволила нам выйти на мировую арену. Открылись границы, которые были закрыты почти сто лет... Мировая общественность признала Узбекистан, нашу Родину...Тридцать стран мира уже признали государственную независимость нашей республики. ..

Сегодня могу с полной уверенностью сказать, что Республика Узбекистан занимает достойное место в кругу независимых государств. Узбекистан стал равным среди равных!»¹.

Обозначенный глубочайшими коллизиями, сменой политических систем и режимов трудный путь Узбекистана к обретению независимости в 1991 году, привел, впервые за многие столетия к строительству и укреплению национальной государственности мирным парламентским путем. Впервые было реализовано неотъемлемое право узбекского народа на свободное самоопределение, на создание гуманного демократического правового государства. Воля многонационального населения республики закреплена в конституционном законе «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан», ориентированном на приоритетность прав человека и принципов государственного суверенитета, опирающемся на исторический опыт узбекской государственности приверженность идеалам демократии и социальной справедливости, общепризнанные нормы международного права, на обеспечение мира и национального согласия.

¹ Каримов И. А. На карте мира появилось новое государство – Республика Узбекистан. // Узбекистан на пороге достижения независимости. – Ташкент: Ўзбекистон, 2011. – С. 416-417.

Опыт первых шагов в этом направлении показывает, трудность и неоднозначность этого пути, на котором тяжелыми путями; стоят различного рода механизмы торможения, пережитки тоталитарных институтов и традиций, влияние которых ощущается и сегодня.

В широком спектре мировоззренческих концепций особую актуальность приобрели, проблемы осмысления путей Узбекистана к независимости. Они вызваны стремлением понять, какие трудности уже позади, от какого наследия следует отказаться, глубже вникнуть в сущность и значимость преобразований современности, подготовленных и выстраданных многими поколениями соотечественников, их самоотверженным трудом, мудростью и терпением, бережным отношением к своей истории, культуре, духовным ценностям, приверженностью идеям добрососедства и истинного гуманизма.

Поскольку исходная позиция, с которой начался переход Узбекистана к строительству национальной государственности и новым социальным отношениям в обществе, определена во многом наследием предыдущих режимов, то исследование и обобщение их истории и опыта государственного строительства и социальной практики представляется актуальной научно-познавательной и политической задачей.

В этом плане особую значимость имеет аналитическое рассмотрение и обобщение политической истории и административной практики колониального периода, когда естественная эволюция среднеазиатской государственности в буржуазном направлении была заблокирована оккупационными действиями царизма, когда насильственным введением колониальной системы власти были подорваны возможности самостоятельного развития государственности на национальной основе,

Такая постановка диктуется тем, что в Туркестане, как и в других национальных регионах империи, наряду с общими деструктивными процессами, проявились также специфические факторы, порожденные великодержавностью и шовинизмом в национальной политике.

В условиях самодержавия с сильной военно-административной системой власти в Туркестане, не уделялось должного внимания учету национальных интересов в области; государственного строительства, экономики и культуры народов, в результате чего обострение социальных антагонизмов вело к постоянным конфликтам с властями, их порядками и законами.

Не менее важно и то, что при отсутствии опоры в массах, ставка делалась на бюрократию, опирающуюся на армию, судебные и репрессивные органы, на те или иные кланы и племена местного общества. В этих условиях множились и набирали силу разнообразные структуры колониальной государственной машины, аналогичные в сущностном отношении российским. Они различались лишь по функциям, способам и результатам действия. Бюрократия, являясь важнейшим элементом социальной структуры и политического строя установленного царизмом, играла важную роль в трансляции этих различий, в подборе кадров, выборе форм и методов деятельности, организации внеэкономической и экономической эксплуатации народов региона.

В связи с этим представляется насущным комплексный анализ ключевых тенденций в системе власти, позволяющий не только выявить сущность и принципы её деятельности, характерные черты и специфические ее элементы, но и вскрыть роль личностного фактора в формировании философии и идеологии системы, выявить степень влияния этого фактора на ход и динамику исторического процесса. Обобщение исторического опыта государственности ее реформирования в эпоху тоталитаризма призвано содействовать более углубленному осмыслению условий и предпосылок процессов становления национальной и государственной независимости Узбекистана, своевременному выявлению бюрократических и консервативных проявлений в деятельности нарождающихся государственных структур и чиновничества, усугубляющих и осложняющих движение страны к прогрессу и подлинной демократии.

Ответственную роль в обеспечении национального возрождения, формирования экономически сильного и духовно здорового гражданского общества призвана сыграть историческая наука. Как указывал Президент ИА. Каримов, «создайте правдивую историю нашей нации, дабы она одарила наш народ духовной силой, возродила нашу былую гордость. ...Невозможно осознать себя без знания правдивой истории»².

Степень изученности темы. Первые работы, освещающие в той или иной степени нашу тему, относились к официальному направлению в литературе. Авторами их были представители российской бюрократии - дипломаты, военачальники, чиновники различных рангов, связанные с разработкой правительственных мер по завоеванию и колонизации Туркестана.

В этих работах в основном прославлялись внешнеполитические успехи царизма в среднеазиатском регионе во второй половине XIX века, всячески подчеркивалось превосходство русского оружия и царской армии и ставились задачи по закреплению гегемонии России в Туркестане³. Документальный материал, на котором они основаны, хотя и не потерял значения, однако требует к себе критического подхода. Исторический процесс трактовался авторами искажено и однобоко, вне всякой связи с его многообразием и диалектическим характером.

Как ни парадоксально, некоторые из этих идей оказались довольно живучими и проникали даже в работы советских исследователей, о чем будет сказано ниже.

² Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего / Свое будущее мы строим своими руками. - Т.: Узбекистан, 1999. Т. VII, – С. 149-150.

³ Пашино П.Н. Туркестанский край. –СПб.,1868; Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб., 1868; Костенко А. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской государственности. – СПб., 1871; Григорьев В.В. Русская политика в отношении Средней Азии. – СПб., 1874; Терентьев М.А. Россия и Англия в борьбе за рынок сбыта. – СПб., 1878; Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае. – СПб., 1890; Кологривов Ю.В. Русские владения в Средней Азии.– СПб.,1898; Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях.–СПб.. 1900; Абаза К.К. Завоевание Туркестана. – СПб., 1902; Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905; Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии Т. 1-3, – СПб., 1906; Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана.– СПб.,1909.

Определенный вклад в исследование административной политики России в Туркестане внесли работы Н.И. Крафта, В.Н. Каплуна, С.Н. Трегубова, Н. Фиолетова, Н. Воцинина и В. Гессена⁴. В них наряду с конкретными данными о процессе разработки законодательных актов по управлению Туркестаном и постепенном введении основ российской административной и судебной системы, игравших главную роль в деле утверждения колониальной системы, делаются попытки анализа традиционных для края социально-правовых институтов управления, в частности местных судов. В целом они характеризуются как «отсталые и средневековые». Авторы не пытаются выявить их истоки и корни, связанные с обычаями и духовными ценностями среднеазиатских народов. Целесообразность сохранения судов казиев и биев в Туркестане обосновывается таким «веским» аргументом как «варварство и дикость инородцев», не доросших до «восприятия благ самодержавия», дарованных им русской властью.

Чрезмерная описательность вышеуказанных работ, отсутствие в них серьезного анализа фактического материала, приводит к выводу о том, что авторы не подвергали сомнению колонизаторской сущности проводимых царизмом реформ, их чисто административного, а не социального значения.

В отличие от вышеупомянутых авторов, военный историк прошлого столетия М.А. Терентьев в своем трехтомном труде пытается дать более или менее объективную характеристику событиям и главным действующим лицам эпохи⁵. Относящаяся в целом к официально-монархическому направлению в литературе, работа М.А. Терентьева, тем не менее, впервые ввела в научный оборот критический материал о действиях первого туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана и его ближайшего

⁴ Крафт Н.И. Судебная система в Туркестанском крае и степных областях. –Оренбург, 1898; Каплун В.Н. Положение об управлении Туркестанского края. Журнал Министерства юстиции, 12-19, – СПб., 1903; Фиолетов Н. Судопроизводство в мусульманских судах Средней Азии (Суды казиев).–Ташкент, 1910; Воцинин В. Очерки нового Туркестана. Свет и тени колонизации. –СПб., 1914; Гессен В. О судебной власти. Сб. Судебная реформа. Т.1. – Москва, 1915.

⁵ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии.Т.1-3. – СПб., 1906.

окружения, разрушив миф о «непогрешимости» русских властей, упорно создаваемый самими властями.

Взаимоотношения властей и коренного, населения Ташкента получили отражение в историческом очерке А.И. Добросмылова. Критически оценивая профессиональный уровень высшего и среднего звена колониальной администрации в Туркестане А.И. Добросмылов особо категоричен в своих высказываниях относительно кауфманской администрации. Характеризуя её, он пишет буквально следующее «Во времена К.П. Кауфмана ехал в край на службу всякий сброд, не находивший для себя на родине подходящей деятельности»⁶. Как показывают материалы данного исследования, подобный состав администрации имел место и в другие времена.

Таким образом, официальная литература досоветского периода была объединена общей целевой установкой: защиты интересов самодержавия в среднеазиатском регионе, оправдания всех ее мероприятий по завоеванию, колонизации и созданию системы управления краем. Лишь отдельные грани исследуемой нами темы получили в ней отражение. Тем не менее с точки зрения фактической истории эти работы заслужили внимания, знакомя с рядом источников, введенных ими в научный оборот, и отношением их авторов к неоднозначным событиям второй половины XIX – начала XX вв. в истории Туркестана.

В 20-30 года XX в. советские историки предпринимают первые попытки научного осмысления реальных фактов и сложных явлений колониальной истории Туркестана. Работы этого периода, написанные в пору особой актуальности критики самодержавия и его политики в национальных регионах, отличаются полемичностью и большой эмоциональностью. Искренне надеясь на разрушение «тюрьмы народов» и построение «самого гуманного, самого справедливого общества», авторы описывали мрачную картину «дикой эксплуатации», «беспощадных кровавых расправ», погромов,

⁶ Добросмылов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. – Ташкент, 1912

виселиц и разбоев в эпоху самодержавия. Примечательно и то, что для публикаций 20-е года XX в. еще к минимуму сводится идеологическое давление на позиции исследователей. К примеру, можно сослаться на работы Т. Рыскулова, Г. Сафарова, А. Симонова, С.П. Покровского, С. Муравейского, П.Г. Галузо, В. Лаврентьева, написанные на тематику по истории национально-освободительного восстания 1916 года, Февраля, Октября и гражданской войны⁷.

В эту же пору выдвигается, и первая концепция по исследуемой проблеме, суть которой сводилась к формуле: любое присоединение нерусских народов к царской России - есть «абсолютное зло»⁸. В довольно строгих рамках этой концепции проблема освещалась вплоть до середины 30-х годов XX века.

С середины 30-х годов XX века ведущей тенденцией развития историографии по изучаемому периоду становится ее тотальная политизация, участие в практике разоблачительства и навешивания ярлыков, в переоценке трудов предшествующих поколений историков, некоторым из которых, как известно, было предъявлено обвинение в приверженности к «школе Покровского», в троцкизме и буржуазном национализме.

В связи с курсом на политизацию истории, усилением её зависимости от командно-административной системы в изучение проблемы присоединения нерусских народов к России директивно вводится новый подход, окончательно вызревший в процессе подготовки учебника по истории СССР. Постановлением жюри Правительственной комиссии по конкурсу на этот учебник вместо понятия «абсолютное зло» вводилось понятие «наименьшее зло», которое, в отличие от предшествующего не вызвало к жизни сколько-нибудь значительных исследований по нашей

⁷Сатаров Г. Колониальная революция. (Опыт Туркестана). 1921; Рыскулов Т. Об историках туркестанской революции: По поводу одной статьи, появившейся в печати. //Туркестан, 1922, 22 ноября; Симонов А. Февральская революция в Средней Азии. – Т., 1926; Поповский С.П. Международные отношения России и Бухары в дореволюционное время и при Советской власти до национального размежевания среднеазиатских республик. – Т., 1926; Муравейский С. Очерки по истории революционного движения в Средней Азии. – Т.,1926; Галузо П.Г. Туркестан - колония. – М.,1929; Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. Буржуазная колонизация Средней Азии. – Л.,1930 и др.

⁸ Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – М., 1923.

проблеме и лишь прочно вошло в учебную историческую литературу конца 30-х - 40-х годов XX века⁹.

В начале 50-х годов XX века конъюнктурный подход к исследованию проблемы вызвал дальнейшую корректировку вышеуказанных понятий в сторону их более расширительного толкования и к утверждению нового постулата «несмотря на колонизаторскую роль царизма, все же присоединение нерусских народов к России являлось прогрессивным фактом»¹⁰.

Историки фактически отказываются от термина «завоевание» и редко употребляют слово «колонизация». Вместо них распространяются термины «вхождение», «включение», «присоединение», «добровольное присоединение». Исследование негативных последствий колониального развития подменялось изучением «прогрессивных последствий» присоединения к России¹¹.

60-80-е годы XX в. оказались наиболее плодотворными в исследовании проблемы в целом. Появилась серия монографических исследований, написанных с учетом итогов Всесоюзной научной конференции 1959 года в Ташкенте, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России¹². Зависимость исследователей от политико-идеологических доктрин тоталитарной системы вынудила их многие животрепещущие вопросы гражданской истории решать, как говорится, «на макроуровне». Приоритетным направлением стало исследование истории революций,

⁹ К изучению истории. Сб. – М., 1937

¹⁰ Печкина М.В. К вопросу о Формуле – «наименьшее зло». //Вопросы истории, 1951, № 4; Якунин А.В. О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей. //Вопросы истории, 1951, № 11; Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Ташкент. 1955.

¹¹ Раджабов С.А. Материалы объединенной научной сессии, посвященной прогрессивному значению присоединения Средней Азии к России. – Ташкент, 1959; Раджабов С.А. Роль великого русского народа в исторических судьбах народов Средней Азии, – Ташкент, 1955; Гапуров М.Г., Росляков А.А., Аннанепесов М. Братство навеки. К 100-летию добровольного вхождения Туркменистана в Россию. – Ашхабад, 1983 и др.

¹² Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – М., 1965; Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Соединенной Азии к России. – Ташкент, 1966; Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – Алма-Ата, 1966; Давлетов Дж., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. – Ашхабад, 1972; Косбергенов Р. Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России. – Нукус, 1973, и мн. др.

социал-демократического, рабочего и крестьянских движений, народных волнений и национально-освободительных движений¹³.

Вместе с тем в эти же годы ясно прослеживается тенденция к расширению проблематики, ослаблению предвзятости в оценках исторических процессов и явлений, углублению научных подходов. Накопленный исторический опыт, и конкретная действительность приводят к исследованию среднеазиатского аспекта политики царизма в международных делах, экономике, административной практике, культуре; выявлению закономерностей и особенностей российско-туркестанских отношений; изучению этих отношений в единстве с внутренним общественно-экономическим развитием Туркестана и России.

Так, международный аспект политики России в Туркестане получил освещение в трудах Г.А. Хидоятова, Т.Г. Тухтаметова, А.С. Садыкова, Н.А. Халфина¹⁴; социально-экономический аспект - в трудах А.М. Юлдашева, Х.З. Зияева, А.П. Савицкого, А.А. Аминова, А. Азадаева, М. Юнусходжаевой, М.И. Вексельмана и многих других¹⁵.

Вопросы политических, культурных и дипломатических взаимоотношений Туркестана и России получили освещение в трудах Ю.А. Соколова, П.А. Ковалева, Б.В. Лунина, Х.Г. Гуламова¹⁶ и других различные

¹³ Вахабов И.Г. Ташкент в период трех революций. – Ташкент, 1957; Житов К.Е. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. – Ташкент, 1957; Пяковский А.В. Революция 1905-1907 гг. в Туркестане. – М., 1958; Турсунов Х.Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. – Ташкент, 1962 и др.

¹⁴ Тухтаметов Т.Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX - начале XX в. Ташкент, 1966; Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. – Т., 1969; Садыков А.С. Россия и Хива в конце XIX - начале XX в. – Т., 1972; Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. – М., 1974; Хидоятов Г.Д. Британская экспансия в Средней Азии. – Т., 1981.

¹⁵ Аминов А. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX столетия до первой мировой войны). – Т., 1959; Азадаев Ф.А. Ташкент во второй половине XIX в. Очерки социально-экономической и политической истории. – Т., 1959; Савицкий А.П. Поземельный вопрос в Туркестане. – Т., 1963; Зияев Х.З. Средняя Азия и Поволжье (вторая половина XVI-XIX вв.). – Т., 1965; Садыков А.С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX - начале XX в. – Т., 1965; Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX - начало XX в.). – Т., 1969; Юнусходжаева М. Из истории землевладения в дореволюционном Туркестане. – Т., 1970; Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября. Коллективная монография. – Т., 1973; Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XVII вв. – Т., 1983; Вексельман М.И. Российский монополитический и иностранный капитал в Средней Азии. (конец XIX - начало XX в.). – Т., 1987 и др.

¹⁶ Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. – Т., 1958; Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX - начало XX вв. – Т., 1962; Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. – Т., 1965; Ковалев П.А. Революционная ситуация 1915-1917 гг. и её проявления в Туркестане. – Т., 1971; Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края. 1865-1917 гг.

аспекты источниковедения и историографии в работах М.А. Ахуновой, Л.Г. Левтеевой, Г.А. Ахмеджанова, в «Материалах по истории, историографии и археологии Средней Азии», периодически издававшихся в ТашГУ, а также в учебниках и учебных пособиях¹⁷.

Эти исследования создали ту необходимую основу, без которой невозможно освещение политики России в области управления и административной практики во второй половине XIX – начале XX в.

Вместе с тем, восстановление принципов историзма в исторических исследованиях и отказ от многих советских идеологических традиций требуют переосмысления и дополнительного анализа проблем истории Узбекистана нового времени. Тем более, что наши современные проблемы зародились и уходят корнями в колониальное прошлое Узбекистана, а исторические процессы этого периода подгонялись под известные всем шаблоны¹⁸.

Комплексное рассмотрение исторических событий прошлого, во всей их сложности и противоречивости, требует дополнительного анализа колониалистских тенденций не только в экономических связях с бывшей метрополией, но и в системе политических, правовых, идеологических, культурных связей. Теперь нам хорошо известно, что эти тенденции сохранялись и развивались, став фактором консервации многих регрессивных явлений в жизни страны.

Лишь сравнительно недавно проблема государственности и бюрократии стала предметом современной российской историографии.

– М.,1980; Абдурахимова Н.А., Садыков А.С., Шамамбетов Б. Политические процессы в Туркестане. (1905-1917 гг.), – Нукус, 1988; Гуламов Х.Г. Из истории дипломатических отношений России с Бухарским ханством. – Т.,1992.

¹⁷ Ахунова М.А., Лунин Б.В. История исторической науки в Узбекистане. – Т.,1970; Материалы по истории, историографии и археологии. Сборник научных трудов ТашГУ, вып.441, – Т.,1973; вып.517, –Т.,1974; вып.556, –Т.,1978; вып.630, –Т., 1980; вып.582, –Т.,1981; Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Сб. науч. тр. – Т.,1985; Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках. – Т.,1986; Ахмеджанов Г.А. Советская историография присоединения Средней Азии к России. – Т.,1989.

¹⁸ Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России. //История СССР,1991, №6, – С.67-34; Аннанепесов М.А. Присоединение Туркменистана к России: правда истории // История СССР, 1991, № 5, – С.70-36; История и историография национально-освободительного движения второй половины XIX – начале XX в. в Средней Азии и Казахстане. – Т., 1989.

Благодаря трудам Н.П. Ерошкина, П.А. Зайончковского, С.М. Троицкого, Н.Ф. Демидовой, А.Н. Медушевского и других, появилась возможность более глубокого осмысления механизма государственной власти в России и ее регионах¹⁹. В указанных работах нет фактического материала по Туркестану, если не считать работу Н.П. Ерошкина, в которой имеется краткое упоминание об административном устройстве Туркестанского генерал-губернаторства.

Эти работы оказали помощь в выборе методологии исследования, нацелили на комбинированное изучение нормативных актов царского правительства, государственных структур и бюрократического аппарата в рамках единого историко-социологического подхода.

Более подробно среднеазиатский аспект политики царизма освещен в научных трудах Н.С. Киняпиной, М.М. Блиева, В.В. Дегоева.

Они приводят выдержки из работ вышеперечисленных авторов, которые считают, что подходы российской администрации к управлению в Средней Азии были эффективными и обеспечили «общий прогресс в изолированном и застойном регионе»²⁰.

Нельзя преуменьшать и то влияние, которое оказали при разработке данной проблемы труды А.Дж. Тойнби, Р. Такера, С. Коэна, А. Рабиновича, З.Х. Карра, Р.Дж. Коллингвуда и других исследователей, изданных на русском языке²¹.

В целом итоги изучения колониальной политики царизма в Туркестане довольно существенны. Немало сделано для выяснения ее основных направлений и особенностей. Введет в научный оборот важные исторические

¹⁹ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. – М.,1964; Он же. Правительственный аппарат самодержавной России. –М.,1978; Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в ХУШ в. Формирование бюрократии. – М., 1974; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России ХУЛ века и ее роль в формировании абсолютизма. – М.,1937; Медушевский А.Н. Государственный строй России периода Феодализма. Зарубежная историография. – М.,1989.

²⁰ Блиев М.М., Дегоев В.В., Киняпина Н.С. Современная буржуазная историография политики России на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке, ж. «Вопросы истории», 1988, № 4, – С.44.

²¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. – М., 1980; Стивен Коэн. Бухарин. Политическая биография.1881-1938, – М., 1988; Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. – М.,1988; Карр Э.Х. История Советской России.Т.1-2. – М., 1990.; Такер Р. Сталин. Путь к власти.1879-1929. История и личность. – М., 1990; Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 1991.

источники. Учеными республики проделана большая научно-познавательная и поисковая работа.

Вместе с тем следует учитывать и то обстоятельство, что в основном научные труды, связанные с колониальной политикой царизма, были написаны в условиях тоталитарного строя и страдали существенными недостатками советского обществознания тех лет.

Это определило ситуацию, когда многие сюжеты истории Узбекистана нового времени либо оставались вне зоны научного изучения, либо освещались в однополюсном измерении. Кроме того, фактически отсутствовали работы, непосредственно посвященные анализу системы власти, установленной в Туркестане во второй половине XIX начале XX века. В исторической литературе еще недостаточно сведений о тенденциях развития этой системы, о типологии отношений военно-административной системы и туркестанского общества в изучаемый период, о возникновении, социальной природе и месте в структуре государственных учреждений и общества бюрократического аппарата, о взаимообусловленности и взаимосвязанности эволюции системы с общим направлением внутренней политики царизма в этот период. Потребность же в осмыслении этих вопросов довольно велика. В этих условиях наша задача заключается в исследовании процесса формирования военно-административной системы управления, в анализе всего аспекты ее негативных последствий в русле современного видения исторических процессов.

Учитывая научно-познавательную и политическую значимость проблемы, ее недостаточную разработанность, «Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX - начале XX века» избрана в качестве темой выпускной квалификационной работы.

Цель и задачи исследования. В данной работе поставлена цель - в свете нового исторического мышления критически осмыслить историю становления, эволюции и кризиса колониальной системы власти в Туркестане, комплексно проанализировать формы, методы, основные

направления деятельности бюрократического аппарата во второй половине XIX - начале XX в. В контексте целевой установки определены следующие конкретные задачи:

- раскрыть основные принципы организации колониальной системы власти в Туркестанской области;
- исследовать структурные и функциональные изменения системы с созданием Туркестанского генерал-губернаторства;
- проанализировать состав и методы деятельности военно-административных органов власти, а также новых государственных учреждений, обслуживавших систему;
- проследить тенденции их развития, раскрыть суть военноадминистративных методов руководства;
- раскрыть эволюцию колониальной системы власти в конце XIX - начале XX в.;
- проанализировать личный состав всех звеньев чиновничьего аппарата, методы его деятельности;
- выявить роль личностного фактора в механизме власти, степень его влияния на работу государственных органов и учреждений;
- выявить типологию взаимоотношений системы и туркестанского общества, основные противоречия между ними.

Методологическая основа исследования. Методологическую основу решения поставленных в исследовании задач составили прежде всего принципы *историзма, объективности, диалектического подхода* к изучению исторических событий и явлений, а также творческое развитие и использование плюрализма учений и течений общественной мысли, выработанных научным сообществом.

Объективность исследования, важнейшими критериями которого являются «истина» и «правдивость», достигалась выявлением и изучением широкого круга документов, фактов, статистики, литературы, выражавших свойства, связи и отношения объектов познания.

Принцип историзма ориентировал на изучение исторической обстановки исследуемого периода, на рассмотрение всей совокупности процессов и явлений в динамике их возникновения, развития и в тесной связи с породившими их конкретными обстоятельствами.

Принцип развития имеет важное значение для понимания природы и источников властных структур и находит свое отражение в изучении противоречивого характера создания, функционирования и кризиса этих структур в условиях колониального режима.

Обновлению и обогащению методологических подходов в исследовании изучаемой проблемы в значительной степени содействовала ориентация на системность и концепцию нового исторического мышления с ее приоритетом общечеловеческих и гуманистических ценностей.

В контексте системности исследования объект изучения рассматривался в совокупности всех основных структурных элементов управления и административной практики, во взаимосвязи и взаимообусловленности общего и особенного.

Опора на общечеловеческие ценности раскрыла новые возможности в научной интерпретации исследуемых процессов, обеспечила освобождение от за идеологизированности отечественного исторического мышления и расчистила пути для его сближения с общим потоком мировой научной мысли, в оценке исторических событий и явлений второй половины XIX-начала XX века, их реального содержания.

Основными методами исследования служили сравнительно исторический и статистический анализ.

Научная новизна работы и его практическое значение. Впервые в историографии комплексно исследована история становления, эволюции и кризиса колониальной системы власти во второй половине XIX - начала XX в. Работа содержит новое видение структурных и функциональных изменений системы, процесса воспроизводства характерных черт базовой имперской модели в составе и методах работа колониального аппарата

управления. В ней по-новому трактуется и обосновывается роль личностного фактора в механизме власти и степень его влияния на ход исторических событий того времени.

Существенным признаком научной новизны работы являются ее выводы и положения о том, что система, созданная царизмом, применяя имперские стереотипы в сфере управления народами Туркестана, абсолютировала насилие и позволяла использовать его как универсальное средство решения всех проблем. В ее планы не входила сущностная коррекция стратегии развития Туркестана, поддерживалась тенденция к консервации отсталости и превращения региона в аграрно-сырьевой придаток метрополии. Система не смогла обеспечить правового разрешения насущных социальных проблем и стала серьезным источником политических и социальных конфликтов в обществе.

Практическое значение работы. заключается в том, что, во-первых, сделанный в исследовании анализ и теоретические обобщения помогут восполнить соответствующие пробелы в историографии проблемы.

Во-вторых, положения и выводы работы могут найти применение в системе народного образования, при составлении общих и специальных курсов для студентов колледжей, особенно для будущих специалистов - историков.

В-третьих, материалы работы могут быть использованы при дальнейшей разработке фундаментальных проблем истории Узбекистана.

В целом исследование дает приращение научных знаний и ставит ориентиры для последующего изучения колониальной политики царизма и тенденции воспроизведения отдельных ее черт в советскую эпоху.

Состав исследования. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. СТАНОВЛЕНИЕ И СТРУКТУРА КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ВЛАСТИ В ТУРКЕСТАНЕ В 60-Е - СЕРЕДИНЕ 80-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

1.1. Туркестанская область: образование и организация власти

Вторая половина XIX -го столетия - время крутого поворота в судьбах народов Средней Азии. В результате военных акций царизма они оказались втянутыми в систему новых правовых, политических и социально-экономических отношений, которые изначально складывались и развивались в русле «периферийности» и зависимости от России. Внедренные насильственным путем, они подорвали традиционно сложившиеся в регионе отношения и возможности их дальнейшего развития на национальной основе. Правовое оформление новых отношений достигалось созданием соответствующих институтов власти и системы управления, действовавшей по принципу «метрополия – колония» или «центр – периферия».

К организации управления в своих среднеазиатских владениях царизм приступил на начальном этапе их завоевания. 2 марта 1865 г. был издан указ правительствующего Сената «Об образовании Туркестанской области» в составе Оренбургского генерал-губернаторства. Она была образована из всего пограничного с среднеазиатскими владениями пространства от Аральского моря до озера Иссык-Куль²². На этой территории по приблизительным подсчетам проживало 453 тыс. человек.

Система внутреннего административно-территориального деления Туркестанской области была приспособлена для решения чисто военных задач. З ее основе лежали военно-территориальные единицы.

²² Собрание узаконений и распоряжений, издаваемое при Правительствующем Сенате. Спб., - П, 1863-1917, Отделение I, док. № 20, 5. III. 1985г

Область делилась на три отдела: правый фланг, центр и левый фланг. В правый фланг, позднее переименованный в Сырдарьинский район, входили города Аральск, форт № I (позднее Казалинск) и Перовск (Кзыл-Орда); центр включал Туркестанский и Чимкентский районы; левый фланг - города Аулие-Ата, Мерке и Пишпек.

Административным центром области сначала являлся город Чимкент. После занятия царскими войсками Ташкента, этот город еще до формального включения в состав России фактически стал столицей Туркестана, с момента официального присоединения к империи, Ташкент и его окрестности составили особую административную единицу под названием Ташкентский район. В 1866 году в составе Туркестанской области были созданы Ирджарский и Зааминский отделы, Уратюбинский и Джизакский районы.

Туркестанская область возникла в процессе непрерывных военных действий, вследствие чего не была осуществлена официальная демаркация ее границ с Бухарским, Хивинским и Кокандским ханствами. Более того, оказалось отложенным и ее разграничение с Западно-Сибирским генерал-губернаторством.

Внутренняя организация территории была проведена в духе имперских административных традиций и исходила исключительно из интересов военного командования и царской казны. Включая в состав государства территории, населенные народами отстававшими по темпам социально-экономического развития от «великорусского» центра, царизм прежде всего заботился о создании дешевой и эффективной системы управления и колониальной эксплуатации.

Основы управления национально-колониальными окраинами сформулировались ещё в эпоху абсолютизма и более или менее надежно обеспечивали интересы самодержавия в Поволжье, Сибири, Казахстане, Кавказе и ряде других местностей. Они базировались на слиянии военной и гражданской власти, в также концентрации в одних и тех же учреждениях административных, судебных, хозяйственных и других функций. Эти же

принципы, практически в неизменном виде, стали проводиться в новых исторических условиях, и в Туркестане.

Приступая к широким завоевательным акциям в Туркестане царизм не имел детального плана относительно масштабов территориальных приобретений. Тем более, не было продуманных проектов, связанных с организацией управления захваченными землями. Даже в начале 60-х годов XIX века абстрактные предложения о создании «Особого генерал-губернаторства Киргизской степи» с центром в Ташкенте считались в правительственных кругах неуместными.

В таких условиях инициатива в разработке нормативных актов, призванных регулировать административное устройство Туркестанской области перешла в руки царского военного командования. Первый документ такого рода был разработан в штабе командующего Новококандской линией М.Г. Черняева. Он был представлен в Петербург в виде «Проекта положения о Среднеазиатской пограничной области». В Военном министерстве этот проект был переработан и 6 августа 1865 года Александр II утвердил «Временные положения об управлении Туркестанской областью»²³.

В этом законодательстве система организации власти по аналогии с Закавказьем именовалась «военно-народным управлением».

Главой местной администрации являлся военный губернатор, в руках которого сосредоточивалась военная и гражданская власть. Первым военным губернатором был назначен М.Г. Черняев, занимавшим эту должность до февраля 1866 г., после чего был отозван в Петербург.

На местах администрацию возглавляли начальники отделов, одновременно являвшиеся военными комендантами. Им подчинялись управляющие местным населением, назначаемые из русских чиновников. Они осуществляли общий полицейский надзор за местным населением. В их обязанности входило обеспечение безопасности караванной торговли,

²³Собрание узаконений и распоряжений, издаваемое при Правительствующем Сенате. СПб.,- П.,1863-1917. Отд.1, № 7, 1865

контроль за сбором налогов с коренного населения, выполнений им повинностей и предписаний администрации.

Управляющие местным населением сосредоточивали в своих руках и судебные функции. Их ведению подлежали уголовные дела, связанные с убийствами, грабежами и разбоем в тех случаях, когда в них были замешаны представители местного и европейского населения.

Кроме того, под их контроль была поставлена деятельность традиционных мусульманских судебных учреждений. Хозяйственные функции управляющих местным населением ограничивались наблюдением за сохранностью лесов, распределением воды из оросительной сети и поддержанием ее в исправном состоянии.

Аналогичные обязанности «Временное положение 1865 г.» возлагало на городничих, на должности которых в крупных городах назначались русские офицеры.

Вспомогательную роль при этом аппарате управления играла, так называемая, «туземная» администрация. Как и в ханские времена, коренным населением городов заведовал аксакал, которому подчинялись аксакалы городских районов, выбираемые домовладельцами. Полицейские функции выполняли раисы. Они наблюдали за базарной торговлей и общественным порядком. Сбором налогов ведал закятчи.

Кочевое население Туркестанской области делилось на роды, отделения и подотделения. Родами управляли родоначальники - манаты, султаны и старшие бии; отделениями - бии, подотделениями - тугачи. Звание султанов, манапов и биев большей частью было наследственным. Несмотря на это, назначение новых лиц на место султанов, манапов и биев подлежало утверждению управляющим местным населением.

«Положение от 6 августа 1865 г.» сохранило для оседлого населения суд казиев и для кочевого - суд биев. Изменения в структуре этих судов свелись к уравниванию прав всех казиев, путем упразднения должности кази-каляна; к введению выборности судей на три года; к предоставлению права

истцу обращаться для разбора дела к тому казию, которому он больше доверял.

Ограничение власти казиев выразилось в передаче царским судам дел местного населения, затрагивающих в той или иной мере интересы русских подданных или царского правительства; в передаче на утверждение военного губернатора Туркестанской области приговоров по всем уголовным и гражданским делам, влекущим за собой по шариату смертную казнь или увечье; в передаче некоторых спорных дел по торговле на рассмотрение коммерческих судов, состоящих из русских и местных купцов с последующей передачей решений этих судов на утверждение военного губернатора области. Последнему предоставлялось также право заменять приговоры суда казиев соответствующими наказаниями по русским военно-уголовным законам.

Практическим следствием введения в действие «Временного положения об управлении Туркестанской областью» явилось создание типичного оккупационного режима, призванного обеспечивать тыл царских войск, их снабжение и взимание налогов с населения.

Народы Туркестана с самого начала были поставлены под двойной гнет. Сохраненная для них ханская административно-налоговая система оказалась не только не подорванной, но, напротив, усиленной всей мощью российского полицейско-бюрократического государства и дополненной методами национально-колониального угнетения.

Практика управления среднеазиатскими колониальными владениями на началах, сформулированных во «Временном положении 1865 г.», показала, что откровенный оккупационный режим недостаточно эффективен. Он не обеспечивал полноценной, с точки зрения царизма, системы налогообложения и, главное, оказался не в состоянии подорвать политическое влияние тех социальных слоев местного населения которые выступали против присоединения Туркестана к России - это крупные

феодалы, ханские чиновники, мусульманское духовенство, родовая аристократия у кочевников и др.

Одним из первых к этому выводу пришел военный губернатор Д.И. Романовский, назначенный вместо М.Г. Черняева. Уже в 1866 г. он предложил правительству не рассматривать Туркестан как колонию и высказался за превращение края в составную часть империи и и постепенное создание системы государственных учреждений, которые создавались в самой России в процессе буржуазных реформ²⁴. Романовский же предпринял попытку ограничить влияние ташкентского мусульманского духовенства на низовую городскую администрацию. В этих целях, по его инициативе в Ташкенте было создано своеобразное учреждение, получившее название махкама. Формально оно являлось коллегиальным судебным органом, заменившим собой единоличный казийский суд. Однако с самого начала, наряду с судебными, махкама стала выполнять и чисто муниципальные функции, причем последние заметно преобладали, над первыми.

В некоторых документах махкама именуется «городским присутствием» или «городским управлением». Сам Романовский пишет, что «махкама имеет чисто судебный характер, это буквально народный суд», но и он признает, что «... при неустройстве управления махкама... служила иногда и муниципальным учреждением»²⁵.

Махкама была открыта в июле 1866 г. В ее состав вошли казий и семь советников - аглямов, выбранных от коренного населения Ташкента. Выборы эти, по словам Романовского, происходили следующим образом: «... через заведующего местным населением и доверенных лиц было приглашено 200 наиболее богатых и влиятельных жителей города, которые и выбрали членов махкамы»²⁶.

Итак, «выборные от народа» были представителями богатой верхушки местного населения - должность старшего советника занял сначала Сеид

²⁴ Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб., 1868, – С.66.

²⁵ Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб., 1868, – С.260.

²⁶ Романовский Д.И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб., 1868, – С.269.

Азим Мухамедбаев, затем Исхак-бай. Членам: махамы установили содержание: старшему советнику - 2400 руб. в год, трем младшим советникам от узбекского населения по 900 руб., советникам от киргизского населения от 500 до 250 рублей в год²⁷. Неравенство в оплате младших советников махамы вызывало постоянное недовольство, выливавшееся нередко в форму «доносов и разного рода козней» против старшего советника Сеид Азии Мухамедбаева и царского чиновника В. Серова, контролировавшего деятельность махамы.

На восстановление старых порядков в суде все настойчивее стало настаивать и ташкентское духовенство. Оно подчеркивало не оперативность нового учреждения в решении разного рода дел, неудобный для населения распорядок работы, осуждало вмешательство русского чиновника в дела мусульманского судебного учреждения²⁸. Ликвидацию должности казикаляна и четырех казиев, осуществлявших судопроизводство в Ташкентце в ханские времена, духовенство признавало ошибочным и недопустимым.

Тем временем в правительственных кругах также были озабочены поисками более действенного образца управления Туркестаном.

В кругах высшего чиновничества и придворной аристократии складывались упрощенная программа среднеазиатской политики, сводившаяся к максимальному сокращению численности войск и административного аппарата. За колониальными властями предполагалось оставить лишь функции верховного контроля за коренным населением при полном невмешательстве в его внутреннюю жизнь. Этот подход, означавший безоговорочную консервацию феодально-ханских порядков, встречал почти единодушное одобрение в феодально-помещичьих верхах России и усердно пропагандировался на страницах прессы. Наиболее четко такой подход был выражен славянофильской газетой «Москва», редакция которой формулировала «программу минимум» колониальной политики следующим

²⁷ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. – Т., 1912, – С.60.

²⁸ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. – Т., 1912, – С.499.

образом: «... извлекать из страны денежные средства на содержание войск, необходимых для охранения внутреннего в ней спокойствия и на содержание административного состава, необходимого для сбора этих средств»²⁹.

С другой стороны, среднеазиатская политика, главным образом ее социально-экономический аспект, вызывала довольно острое недовольство в российских торгово-промышленных кругах. Эти круги не могли эксплуатировать Туркестан без военной, политической и финансовой поддержки правительства. Ее идеологи поэтому высказывали суждения о необходимости более или менее решительных изменений в социально-экономическом строе среднеазиатских владений, сближение их в этом плане с коренными российскими областями. Вместе с тем выдвигались идеи о необходимости учета локальной специфики, более гибкого приспособления к местным социально правовым нормам и постепенной их перестройки сообразно общероссийским порядкам.

Газета «Биржевые ведомости», отражавшая интересы торгово-промышленных кругов Петербурга, осуждая прямолинейные и грубые действия Д.И. Романовского по модернизации судебных учреждений в Ташкенте, писала, что «русские власти поставили против себя духовенство и возбудили крайнее недовольство в туземцах за наше вмешательство в их обычаи и законы»³⁰, что необходимо поставить местные институты на службу империи, искать и находить равновесие между местными, условиями и требованиями скорейшего введения колониально-бюрократических органов российского образца.

В 1866 г. по инициативе военного министра Д.А. Милютин для ознакомления с положением дел на месте в Туркестанскую область была направлена Особая комиссия, члены которой, изучив обстановку, пришли к заключению о целесообразности выделения области из состава Оренбургского генерал-губернаторства и создания самостоятельного

²⁹ Газета «Москва», № 53, 8 марта 1867

³⁰ Газета «Биржевые ведомости», № 188, 28 июля 1867

управления. Этот вопрос был рассмотрен Особым комитетом по устройству среднеазиатских областей под председательством Д.А. Милютина с участием Н.А. Крыжановского, начальника Главного штаба, директора Азиатского департамента и других сановников. Участники заседания, за исключением Оренбургского генерал-губернатора, согласились с мнением комиссии.

Возражения

Н.А. Крыжановского сводились к следующему: между Туркестаном и Россией «находится кочующее население, которое не может служить прочной связью области с внутренними частями империи»; в этих условиях туркестанское начальство «мотивы своей деятельности будет почерпать исключительно в среде среднеазиатской жизни, отчего рано или поздно оно разойдется с интересами и видами империи». Оренбургский генерал-губернатор полагал, что «следует сперва, упрочить за Россией новоприобретенный край, улучшить пути сообщения, произвести обрусение Туркестанской области, а потом образовать особое управление»³¹.

11 апреля 1867 года Александр II утвердил мнение большинства членов комиссии. В июле 1867 года был опубликован закон об организации Туркестанского генерал-губернаторства в составе Российской империи.

Таким образом, правящие круги, отвергнув такую форму колониального ограбления как чисто «военное занятие страны для эксплуатации естественных богатств и каких-либо внешнеполитических видов», отдали предпочтение «органическому слиянию края с Россией». Это означало постепенное распространение на среднеазиатские территории общерусского пробуржуазного законодательства.

1.2. Структура и функции власти в Туркестанском генерал-губернаторстве

³¹ Киняпина Н.С. Административная политика царизма в Средней Азии в XIX веке. //Вопросы истории .1983, №4, –С. 42

Туркестанское генерал-губернаторство в 1867-1886 гг. делилось на области и уезды. В пограничных со среднеазиатскими ханствами местностях вместо уездов создавались идентичные им военные территориальные единицы - округа, отделы и районы.

Первоначально Туркестанское генерал-губернаторство делилось на две области: Сырдарьинскую с центром в Ташкенте и Семиреченскую с центром в город Верном. За счет завоеванных позднее территорий дополнительно были созданы следующие административно-территориальные единицы: в 1868 году - Зарафшанский округ с центром в Самарканде; в 1873 году - Амударьинский отдел с центром в Петро Александровске (Турткуль); в 1876 году за счёт ликвидации Кокандского ханства - Ферганская область с центром в город Новом Маргелане (Фергане).

Семиреченская область делилась на Сергиопольский, Копальский, Берненский, Иссык-Кульский и Токмакский уезды. В 1882 году она была выведена из состава Туркестанского генерал-губернаторства.

В составе Сырдарьинской области в 1868 году были организованы Аулиэтинский, Казалинский, Кураминский, Перовский, Туркестанский, Ходжентский и Чимкентский уезды.

Город Ташкент составлял самостоятельную административную единицу.

Территория Зерафшанского округа первоначально делилась на Самаркандский и Катта - Курганский отделы. В 1871 году к ним добавилась новая административно-территориальная единица - Нагорные районы. Она была образована из мелких бекств, располагавшихся в верховьях Зеравшана. Самаркандский отдел состоял из трех районов, Каттакурганский - из одного района.

Амударьинский отдел, образованный из части территории отторгнутой от Хивинского ханства, делился на Чимбайский и Шаруханский участки.

На территории Ферганской области существовал Андижанский, Кокандский, Маргеланский, Наманганский, Ошский и Чустский уезды.

Одновременно с ниш был создан Чимионский (с 1879 году- Исфаринский) уезд, территория которого была в 1881 году разделена между Кокандским и Маргеланским уездами.

Низовым звеном в системе организации территории являлась волость. Однако волостное управление последовательно было введено только в Ферганской области и Зеравшанском округе.

В других же местностях, из-за наличия многочисленного кочевого населения, наряду с волостями в оседло земледельческих районах создавались аксакальства. Особой спецификой отличался Ходжентский уезд, территория которого делилась на три района - Ходжентский, Уратюбинский и Джизакский.

В целом, административно-территориальное деление, проведенное царизмом в Туркестане, не учитывало природных, исторических, экономических и национальных особенностей края. Оно являлось закономерным продолжением общеимперской организации территории, которую справедливо именовали казенно-бюрократической.

Главной целью политики царизма в регионе являлось военное подавление сопротивления коренного населения захватчикам и обеспечение неизменности государственного статуса страны при сохранении самодержавного политического режима и его опоры – помещного дворянства.

Эта цель полностью предопределила социальную сущность колониальной политики в Туркестане и принципы ее законодательного оформления. То обстоятельство, что разработка программных установок колониального режима осуществлялась в экономических и правовых условиях пореформенной России играло, особенно на первых порах, подчиненную роль.

Причина состояла в социальной слабости российской буржуазии, не имевшей в 60-80-е годы XIX века сколько - ни будь широкой программы требований ни в экономической, ни тем более в политической сферах.

Отмеченная слабость позволила систематически игнорировать робкие пожелания идеологов буржуазно-либерального лагеря ратовавших за введение в Туркестане гражданского управления, интенсивное промышленное строительство, широкое просвещение и коренное преобразование быта местного населения на европейских началах. На практике это привело к тому, что разработка форм и методов управления и колониальной эксплуатации среднеазиатских владений осуществлялась феодально-бюрократическими методами, путем механического использования опыта, накопленного на других национальных окраинах империи.

Фактор «военной ситуации» оказался определяющим при выработке первых программных документов по управлению Туркестанским генерал-губернаторством³². Они появились на свет по мере захвата новых территорий и носили, как правило, «временный» характер. Так проект «Положения об управлении в Сырдарьинской и Семиреченской областях» 1867 г. был введен «в виде опыта на три года». Кроме него, разрабатывались и принимались «Временные правила управления Зарафшанским округом» в июне 1868 года, «Временное положение 1873 года по управлению Ферганской областью», «Положение от 21 мая 1874 года по управлению Амударьинским отделом».

Все они в своей основе подтвердили «нераздельность военной и административной власти, и соединение ее в одних руках». Вместе с тем, вышеуказанный ситуационный фактор и незнание традиционных социально-правовых и культурных норм местного общества, вынудили царизм пойти на предоставление «внутреннего управления выборным из народа по всем делам, не имеющим политического характерен «устройство» высших учреждений, по возможности подходящих, к существующим в других частях империи». В сфере правоотношений решено было оставить шариат и местные обычаи... до времени, «когда они будут определены русским

³² Смотрите дополнительного сведения о «Положение об управлении Туркестанского края» ru.wikipedia.org/wiki/Система_административного_управления_Туркестаном; <http://www.vostlit.info/>; <http://semirechye.rusarchives.ru/zakonodatelstvo-ob-upravlenii-turkestanskim-kraem/polozhenie-ob-upravlenii-turkestanskogo-kraja>; <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>.

законом; отстранение в туземном управлении всего того, что оказывалось решительно вредным в интересах государства; постепенное развитие органов власти сообразно возникновению и усложнению требований местного управления; возможно полное по местным обстоятельствам отделение суда от администрации»³³.

Эти общие принципы развивались и детализировались в многочисленных указах, инструкциях и директивах, которыми была охвачена и регламентирована вся жизнь народов Туркестана в этот период. В основе созданной царизмом военно-бюрократической системы лежала четкая иерархичность и соподчиненность всех ее звеньев.

Вершиной этой системы являлся генерал-губернатор, назначаемый царем и подчиняющийся по служебным делам Военному министерству России. Он являлся главой гражданской администрации и командующим войсками Туркестанского военного округа. По общеимперским законам генерал-губернатор становился «главным блюстителем неприкосновенности прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов».

Царский рескрипт К.П. Кауфману уполномочивал его «к решению всех политических, пограничных и торговых дел, к отправлению в сопредельные страны доверенных лиц для ведения переговоров и подписанию трактатов, условий для постановлений». Он имел право высылать из края по политическим мотивам отдельных лиц на срок по пяти лет и передавать их в случае сопротивления властям военному суду. Он определял размеры налогового обложения населения, предоставлял иностранцам русское подданство, являлся распорядителем кредитов, имел право конфирмации приговоров о смертной казни в том числе для лиц из коренного населения, в случае вынесения таких переговоров судами казиев и биев.

Административные органы управления можно подразделить на следующие группы, соответствующие их месту и назначению в системе

³³ Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К.П. Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 - 25 марта 1881 г. – СПб., 1885. – С.163

колониальной власти: **краевое управление, областное, уездное и волостное** управления.

Главным звеном этой бюрократической машины являлась Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, созданная в 1867 г. Она являлась исполнительным органом и ведала вопросами штатного и инспекторского порядка, земельными вопросами и повинностями, дорожным строительством и горным делом, решением вопросов, связанных с протекторатом России над Хивой и Бухарой, связями с соседними странами Востока. В связи с этим Канцелярия рассылала множество указаний и делала запросы в нижестоящие инстанции, получая в ответ поток отчетов и информационных сведений; осуществляла связь со всеми представительными и ведомственными учреждениями, высшими правительственными органами, вела обширные бумажное делопроизводство с неизменной бюрократической волокитой, процветавшей в недрах ее отделений.

Особо значительной была роль Канцелярий Туркестанского генерал-губернатора в подготовке и проведении в жизнь различных нормативных актов по управлению краем. Канцелярия вместе со специально созданными правительственными комиссиями принимала участие в разработке всех туркестанских законопроектов, поступающих далее на рассмотрение российских министерств и Государственного Совета.

Важное место в деятельности Канцелярии отводилось ее распорядительному отделению, осуществлявшему «определение к должностям, коих замещение ему представлено; надзор за подчиненными местами и лицами; решение дел и принятие мер к исполнению законов; представление высшему начальству»³⁴. Она самым активным образом занималась кадровыми вопросами и комплектованием чиновниками разных специальностей и рангов всех государственных учреждений в крае.

³⁴ Свод законов Российской империи. – СПб., 1892, т. II, – С.19; См.: Свод законов Российской империи//ru.wikipedia.org/wiki/Свод_законов_Российской_империи; Президентская библиотека имени Б.Н.Ельцина <http://www.prilib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=423> Дата обращения 28.05.2016.

В целом полномочия краевой власти в военной, политической и административной сферах по существу являлись неограниченными.

Местную администрацию в областях возглавляли военные губернаторы, являвшиеся одновременно командующими войсками на правах командиров корпусов или дивизий, в зависимости от численности войск, расквартированных в той или иной области. В Семиреченской области военный губернатор был одновременно и наказным атаманом Семиреченского казачьего войска.

Военные губернаторы определялись на должность и увольнялись царем по представлению Военного министра, основанному на предварительном согласии с Министерством внутренних дел и Туркестанским генерал-губернатором

По «Положению 1867г.» в их руках сосредоточивалась административная, полицейская, судебная и военная власть, в виде усиления значения областной власти в глазах местного населения, сосредоточения в одних руках всех средств обеспечения спокойствия населения и подавления каких-либо в нем беспорядков, как сказано в документе.

По отношению к низовой администрации и местному населению военные губернаторы были наделены по сути диктаторскими полномочиями: назначение места для созыва волостных съездов оседлого и кочевого населения, утверждение в должности волостных управителей или назначение их по своему усмотрению в случае отмены выборов; назначение арык-аксакалов и определение им размера содержания из общественных сумм; утверждение народных судей и кандидатов к ним и назначение новых выборов в случае их не утверждения; определение и увольнение по своему усмотрению членов уездной администрации, кроме уездного начальника, о которых делалось лишь представление на имя генерал-губернатора; рассмотрение жалоб на постановления уездных начальников по наложению ими взыскания на представителей коренного населения³⁵.

³⁵ Проект положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. –СПб.,1867. – С.109-126

Наряду с административными, военные губернаторы были наделены полицейскими и судебными функциями. Им представлялось право подвергать лиц коренной национальности денежному штрафу не свыше 100 рублей и аресту на срок не более месяца. В их компетенцию входил контроль за деятельностью судебных учреждений и тюрем, утверждение приговоров по уголовным делам.

Важнейшими местными государственными учреждениями являлись областные правления. Они представляли собой коллегиальные органы и руководствовались в делах административного и хозяйственного управления «Проектом положения 1867 г.» и последующими указаниями генерал-губернатора.

Председателем областного правления был помощник военного губернатора. Областные правления выполняли административные, судебные, полицейские, финансовые и хозяйственные функции. По сути дела, они являлись аналогом губернских правлений, но имели гораздо более широкие полномочия, поскольку подменяли собой практически все губернские учреждения, существовавшие во внутренних районах России³⁶.

Областные правления по своей структуре состояли из отделений, количество которых возрастало по мере утверждения и усиления колониального режима.

Главную роль в областном правлении играло хозяйственное отделение, на которое были возложены следующие важные функции: поземельное устройство оседлого и кочевого населения, заведование делами о вакуфах, дела по водопользованию и податному обложению коренного населения; составление смет денежных земских повинностей и заведование земскими расходами, наблюдение за взиманием таможенных пошлин и разрешение спорных дел; рассмотрение и утверждение различных контрактов, оформление и выдача лицензий на разработку сырьевых ресурсов области, на

³⁶ Проект положения об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях. –СПб.,1867. – С.11-12, 41.

открытие промышленных предприятий и фирм по просьбе частных лиц; оформление торговых сделок и подрядов и мн. др.

При разрешении выше названных вопросов, нормы административной деятельности, понятия законности и правовой защиты мало были знакомы чиновникам. Часто их личная власть перевешивала любое предписание и любой закон.

В целом, как видим, ни одна общественная структура в крае по законодательным актам 1867 г. не могла существовать без управления, наблюдения или контроля со стороны специально созданных органов и работающих в нем чиновников. Хорошо просматриваемая тенденция по всеобъемлющей регламентации, бесцеремонному вмешательству колониальной власти во все сферы жизни коренного населения, становится яснее и четче при рассмотрении структуры и функций низовых органов власти.

Главой уездной администрации являлся уездный начальник, которому подчинялись и войска, расположенные в уезде. Уездные начальники назначались и смещались генерал-губернатором, но представлению военных губернаторов областей. Уездный начальник одновременно являлся исправником, полицмейстером, земским начальником, городским головой, председателем поземельно-податного присутствия. Помимо уездного начальника, в личный состав уездного управления входили его помощники и канцелярии. Помощники вступали в должность уездного начальника в случае отсутствия или болезни последнего. Помощник по административной части, как правило, ведал делами канцелярии уездного управления.

Уездная администрация планировала и координировала всю работу на местах. На это звено системы падала основная тяжесть многочисленных текущих дел по заведованию казенно-оброчными статьями, исчислению податей, наблюдению за порядком, разбором споров о воде и земле, по контролю за деятельностью волостной и сельской администрации уезда. Можно сказать, что уездный начальник являлся монополистом власти почти

во всех сферах общественной и экономической жизни общества, воплощая в жизнь логику и дух колониальной политики царизма на уездном уровне. На деле, это звено оказалось наиболее некомпетентным, преследующим собственные корыстные цели и потребовало Многочисленных реорганизаций в сторону его усиления и расширения.

Города Туркестана, за исключением Ташкента, не пользовались самоуправлением. По «Положению» 1867 г. заведование общественно-хозяйственными делами: в городах осуществляла выборная местная администрация. Города делились на части (городские районы), во главе которых стояли старшины - аксакалы. Они избирались съездами выборных, назначаемых квартальными сходами домовладельцев.

Городские старшины занимались сбором налогов и раскладкой повинностей. Они подчинялись старшему аксакалу, назначаемому военным губернатором и возглавляющему всю полицейскую службу в пределах города. Старшему аксакалу подчинялись все низшие полицейские чины - миршабы, начальники отдельных оросительных систем т мирабы и судьи-казии. Все они получали жалованье из средств, собираемых с населения города.

В 1876 г, циркуляром К.П. Кауфмана городские хозяйственные управления были упразднены и городское хозяйство было поставлено под контроль русской уездной администрации. Исключение составили города Самарканд и Новый Маргилан, где эти управления сохранялись. Они состояли из русских военных чиновников и представителей местного купечества, назначенных военными губернаторами.

Город Ташкент, являясь политическим, административным и культурным центром Туркестанского генерал-губернаторства, имел своеобразное управление.

Здесь городскую администрацию возглавлял особый начальник города. В «старой» и «новой» частях города были созданы отдельные хозяйственно-общественные управления. В «старом» Ташкенте члены управления

избирались представителями городской верхушки, в «европейской» же части: - назначались военным губернатором Сырдарьинской области.

Деятельность общественно-хозяйственных управлений в Ташкенте сводилась, также, как и в других городах, к чисто техническому исполнению распоряжений начальника города.

В 1877 году в Ташкенте было введено «Городовое положение» от 16 июля 1870 года. В соответствии с ними городское хозяйство перешло в ведение избираемой домовладельцами городской Думе.

Право участия в выборах гласных представлялось жителям Ташкента, достигшим 25-летнего возраста, являвшимся русскими подданный, владевшими, недвижимым имуществом, платившими городские налоги и не состоявшими под судом и следствием.

Правом голоса на выборах пользовались медресе, мечети и другие учреждения, владевшие недвижимостью, включая и вакуфы, с которых в пользу города взимались сборы. Трудовые слои городского населения были лишены избирательных прав.

К лицам, не пользующимся правом голоса на выборах, относились старшины азиатской части города, пока они занимали эти должности.

1/3 гласных городской Думы избиралась «азиатской» частью города, а 2/3 гласных - жителями «нового» Ташкента, т.е. «европейской» частью города. Причем русские жители «азиатской» части по правилам о выборах входили в состав гласных от коренного населения Ташкента.

Избиратели распределялись по куриям в соответствии с имущественным цензом. Каждая курия, вне зависимости от числа лиц, входивших в нее, избирала одинаковое число представителей в Думу - по 24 человека. Это обеспечивало преобладание в Думе представителей состоятельных групп населения - домовладельцев, заводчиков, купцов, военных, чиновников и др.

Несправедливое соотношение гласных в Ташкентской Думе было отмечено ревизией тайного советника Гирса, который писал, что многие

вопросы разрешаются «весьма часто к невыгоде азиатской части города» и что «более или менее справедливое соотношение представительства двух частей города в Думе не только может принести пользу в смысле соединения двух народностей, но вместе с тем и гарантировать правильное и равноправное самоуправление»³⁷.

Однако «равноправное самоуправление» не вводило в планы колониальной власти. В результате городской реформы создавался лишь ещё один бюрократический механизм управления, ни по существу, ни по ряду формальных признаков не имеющий ничего общего с действительной организацией самоуправления. Сбор налогов и наблюдение за порядком в городе - вот основные права, предоставленные Думе. Исполнительным органом Ташкентской городской Душ была городская управа, 2/3 членов которой также представляли русскую часть города.

Ташкентский городской глава назначался администрацией. В должности его утверждал военный министр по представлению генерал-губернатора, В 70-е - начале 80-х годов XIX века эту должность, как правило, занимал начальник города Ташкента, Первый генерал-губернатор К.П. Кауфман, предложивший такое совмещение, объяснял это так: «во избежание случайного избрания на эту должность лица, не отвечающего своему назначению, а главное - ввиду политического положения города, значительное большинство жителей которого состоит из недавно покоренных мусульман». На деле, это означало полное подчинение городского самоуправления колониальной администрации, что в конечном счёте являлось вполне определенной и целенаправленной государственной политикой

Согласно временному «Положению» 1867 г, и правительственным декретам провозглашалось единство в управлении кочевыми и оседлыми народностями Туркестана. На деле это управление было различным. Кочевое

³⁷ Отчет... Гирса – СПб., 1888, –С.117

население в каждом уезде делилось на волости, последние на аулы. Административная и полицейская власть сосредоточивались в руках волостных управителей и аульных старшин, которые избирались сроком на три года и утверждались в должности военным губернатором области.

Для оседлого населения областей административная и полицейская власть сосредоточивалась в руках аксакалов, также избираемых населением на три года.

Для ослабления власти феодалов и баев волости к аулы создавались не по родовому, а по территориальному признаку. Так, в сельском обществе было установлено не свыше 200 дворов или кибиток, в волостном обществе - от 1 тыс. до 2 тыс. дворов или кибиток. Такое деление нередко вызывало сопротивление и недовольство крупных феодалов и родоплеменной знати, справедливо воспринимавший это нововведение властей как юридическое упразднение деления киргизов по родовым связям. Колониальная администрация деление на волости и аулы по территориальному признаку объясняла необходимостью устранения «неудобств в деле административного управления», К.К. Пален же откровенно признает, «соединение многочисленного рода под властью одного родоначальника могло затруднить поддержание спокойствия в степи»³⁸.

Для «поддержания спокойствия» была разрушена власть родоначальников и введена выборная система, позволявшая выдвигать на должности волостных и сельских начальников новых людей, лояльных к царской администрации. Обычно это были представители феодально-байской верхушки.

Управление в волости состояло из волостного управления и волостного съезда выборных. Выборы волостного управителя были двухстепенными. Сначала собирался сельский сход, на котором от 50 домохозяев избирался один выборный. Затем выборные от сельских обществ собирались на

³⁸ Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению сенатором граном К.К. Паленом, Сельское управление: русское и туземное. – СПб., 1910. – С.9.

волостной съезд, проходивший в присутствии представителей русской администрации. Как правило это был уездный начальник или его помощник, наблюдавшие за порядком, не вмешиваясь в самый ход выборов. Перед началом работы съезда проверялась наличность всех пятидесятников. Волостной съезд считался несостоявшимся, если на нем присутствовало менее 2/3 всего количества выборных.

Ведению волостного съезда подлежали выборы волостного управителя, народных судей и кандидатов к ним; определение денежного содержания должностным лицам низовой администрации; контроль за состоянием мостов, дорог, хозяйственных построек; дела по водопользованию и водоснабжению и т.д. Волостной управитель, кроме хозяйственных, исполнял и сугубо полицейские функции: наблюдал за «спокойствием» в волости, производил дознания по преступлениям, подведомственным народному суду, доводил до сведения населения все законы и распоряжения правительства.

По делам общественным, волостной управитель по согласованию с уездным начальником, мог созывать и распускать волостной съезд и охранять на нем порядок, наблюдать за действиями аульных и сельских старшин.

Если личность волостного по каким-то причинам не устраивала русскую администрацию, то военный губернатор области мог назначить новые выборы или временно заменить его другим человеком по своему собственному усмотрению.

Царская администрация довольно широко использовала это свое право. Так, например, Ф.К. Гирс в своем отчете по ревизии деятельности волостной и сельской администрации приводит следующие данные: «Из 109 волостных управителей Сырдарьинской области уволено в течение трех лет 38 лиц, что составляет 35% или около 13 случаев в год», - пишет он³⁹. Подобные данные можно было бы привести и по другим областям Туркестана.

³⁹ Гирс Ф. Отчет по ревизии... – СПб., 1888, – С.29

Чины низовой администраций злоупотребляли своим служебным положением. Известно огромное количество фактов незаконных поборов, присвоения собранных с населения налогов, расправ с неугодными лицами и т.д. Посты волостных управителей к аксакалов нередко привлекали разного рода нечистоплотных людей. Выборы чинов волостной и сельской администрации часто сопровождались ожесточенной борьбой различных группировок, стремящихся протащить на эти должности своих кандидатов.

«Стремление попасть в волостные,- пишет Ф.К. Гирс в своем отчете - объясняется с одной стороны довольно значительным содержанием, а с другой тем, что у него сосредоточен сбор податей целой волости, причем легко возможны незаконные поборы, несвоевременная сдача в казначейство собранных денег и нередко даже утайка их. Кроме того, волостной управитель, в силу представленной ему власти может налагать денежные штрафы до 3-х рублей. Контролирование его в этого рода суммах совершенно невозможно, в особенности при кочевом образе жизни населения».

«Положение» 1867 г. вводило новую систему взимания налогов, в основе которого лежали род занятий населения и его доходы.

Для кочевого населения был введен единый кибиточный сбор - 2 руб. 75 коп. с кибитки. Оседлое население платило херадж - поземельный налог, равный 1/10 части урожая, зякет - налог с торговли, а также налоги на содержание оросительных каналов, дорог, мостов, базаров и т.д. Распределение налогов между сельскими обществами осуществлял съезд волостных выборных. Основная сумма налогов падала на бедноту. Волостные управители и сельские сборщики налогов, по существу были освобождены от налогов.

Таким образом, в 60-е и середине 80-х годов XIX в. аппарат управления представлял собой систему тесно связанных друг с другом основных элементов административного механизма и соответствующих им органов, действующих в интересах царизма и его колониальной политики.

Характерной чертой этого аппарата была его чрезмерная бюрократическая централизация, заключающаяся в сосредоточении в его недрах законотворческих, распорядительных, исполнительных и контрольных функций. Вместе с тем, часть функций управленческого аппарата была передана в ведение местных, институтов власти - аксакальств и волостных управлений, действовавших под контролем русской власти. Подобный «компромисс» в системе колониальной власти был продиктован военной ситуацией, необходимостью достижения элементарной стабильности и облегчения «бремени» выполнения колонизаторских задач. Такой тактический подход к проблеме управления Туркестаном диктовался также приобретением в других регионах империи опытом и стремлением быстрее и успешнее достичь своих целей.

Наряду с административными органами управления важную роль для самодержавия всегда играли финансовые органы. Правящие верхи России не пошли на предоставление в финансовой сфере широких полномочий колониальной администрации. Контрольные функции в этой сфере с самого начала, постановлением Государственного Совета от 4 мая 1868 года, были переданы Туркестанской Контрольной палате, представлявшей ведомство Госконтроля, главной её функцией являлась проверка финансовой отчетности государственных учреждений и колониальной администрации.

Функции контрольной палаты делились на ревизионную, бюджетную и административную. В материалах контрольной палаты имеют место многие факты хищнической вырубке лесов, незаконной выдачи лицензий на разработку и добычу полезных ископаемых, несвоевременной уплате арендных платежей и пр., факты, тщательно скрываемые отдельными учреждениями.

После реформы 1862-1868 гг. государственный контроль в России приобрел буржуазный характер. Практиковавшаяся в его деятельности, хотя и в ограниченных масштабах, гласность, формальное соблюдение законности, проверка бюджетно-сметной документации в принципе

соответствовал историческим условиям, складывавшимся в России, в период индустриализации. Однако, именно это обстоятельство, резко осложнило положение госконтроля в Туркестане, поскольку привело его в состояние хронического конфликта с краевой администрацией, построенной на принципиально- иных, феодально-бюрократических началах. Краевая администрация, особенно в 70-е годы XIX века, упорно отстаивала свое право на бесконтрольное расходование бюджетных средств. Конфликты обычно разрешались в пользу К.П. Кауфмана, широко использовавшего свое право обращаться с апелляциями к военному министру или лично императору.

Несколько позже, в июне 1869 г. Постановлением Государственного Совета в Ташкенте была учреждена Туркестанская казенная палата подведомственная Министерству финансов. В сферу её деятельности входило прежде всего заведование поступлением прямых или окладных налогов. В то же время в отличие от внутренних губерний России, на казенную палату возлагалось также заведование сбором косвенных налогов (акцизных сборов).

Вместе с тем казенная палата обязана была выполнять и контрольные функции. Присутствие палаты включало её председателя, советников, казначея, контролера и нескольких ассессоров.

Местными органами казенной палаты являлись областные и уездные казначейства. Местные казначейства были кассами департамента Государственного казначейства Министерства финансов. Они принимали поступающие доходы и производили платежи по расходам местных органов управления всех ведомств. Правильность операций казначейств проверялась контрольным отделом казенной палаты, а затем ревизорами Контрольной палаты. Эта проверка, как правило, носила более углубленный характер.

23 декабря 1874 года указом императора Александра II в Ташкенте было открыто отделение Государственного банка, в сферу деятельности которого до 1893 года входила вся территория Туркестанского края.

Ташкентское отделение Госбанка давало кратковременные ссуды под залог процентных бумаг, драгоценных металлов и товаров, осуществляло такие коммерческие обороты как учет векселей и других срочных документов, производило покупку и продажу золота, серебра и кредитных билетов, осуществляло обмен кредитных билетов.

Наряду с отделением Госбанка в Ташкенте в 1881 г. начал действовать первый частный банк - Среднеазиатский коммерческий - незначительное кредитное учреждение с ограниченным кругом операций и небольшими капиталами⁴⁰.

Открытие банковских учреждений способствовало усилению проникновения российского торгового и промышленного капитала, учреждению филиалов таких известных товариществ, как товариществе «Никольской мануфактуры «Савва Морозов, сына и К⁰», «Н. Кудрина и К⁰», пайщиками которого состояли 53 крупные фирмы и отдельные предприниматели. «Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество Н. Кудрина и К⁰» открыло свои операции в 1884 г. с основным капиталом в 400 тыс. рублей, доведя их уже через 2 года до 2 млн. рублей⁴¹. Конторами товарищества в Ташкенте, Коканде, Бухаре, Чарджоу, Мерве, Ашхабаде, Оренбурге в 1886 г. было, продана русских товаров на 2 млн. рублей и закуплено на такую же сумму среднеазиатских товаров.

Общая характеристика колониальной системы власти отражается в её охранительных и карательных институтах. Охрану интересов царизма осуществляли судебные органы. Проект «Положения» 1867 года ввел в действие в Туркестане своеобразную систему судоустройства.

Основные звенья этой системы были следующие: выборные суды казиев и биев или «народные» суды, уездные суды, временные военно-судные комиссии, судные отделы областных правлений и судный отдел Канцелярии туркестанского генерал-губернатора.

⁴⁰ Вексельман М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии. Конец XIX – начало XX в. – Ташкент, 1987. – С.11.

⁴¹ Вексельман М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии. Конец XIX – начало XX в. – Ташкент, 1987. – С.13.

В колониальном аппарате управления Туркестаном важную роль играла полиция. Она, как и постоянная армия, была вернейшим орудием, оплотом, защитой интересов самодержавия в крае. Полицейскими полномочиями были наделены все чины местной администрации от генерал-губернатора до волостного управителя. Генерал-губернатор располагал широкими полномочиями «принимать все меры, какие он признавал полезными и неотложно необходимыми по местным условиям», имел право высылать «вредных по политической принадлежности» лиц на срок до пяти лет и предавать их в случае сопротивления властям военному суду».

К органам администрации и полиции примыкали тюрьмы. По всех крупных городах и даже селениях края были построены тюрьмы гражданского и военного ведомства. На строительство и содержание тюрем Туркестанского края ежегодно из царской казны отпускалось 70-30 тыс. рублей.

Поскольку тюрьмы были одним из основных средств борьбы царизма с различными общественно-политическими движениями, направленными «против существующего строя», и количество политических заключенных в них постоянно росло, важное значение было придано регламентации условий содержания заключенных. Основы тюремного режима определялись главным образом: уставом о содержании под стражей, уставом о ссыльные, общей тюремной инструкцией. Кроме того, в течение ряда лет издавались ряд правил, определивших положение политических заключенных в тюрьмах Туркестана.

Уникальное взаимо пересечение двух важных для царизма пробки - необходимость перевода Туркестана в российскую политическую систему, и перестройка его экономики в интересах метрополии - привели к созданию государственных учреждений, прямо зависящих от российских министерств и ведомств, но в то же время подотчетных генерал-губернатору К.П. Кауфману, имевшему диктаторские полномочия. Это обстоятельство уменьшало самостоятельность руководителей государственных учреждений,

однако военная ситуация 60-х середины 80-х годов XX в. и необходимость регламентации политической, экономической и социальной жизни края, заставили все органы управления активно сотрудничать, со подчиняясь и строго соблюдая законы иерархии.

Отсутствие достаточно надежной и широкой социальной базы для претворения в жизнь колонизаторских планов царизма, привело к созданию и укреплению репрессивно-охранных рычагов механизма власти и предоставлению почти неограниченных административно- полицейских полномочий чиновникам всех рангов, от волостных до краевых. Чиновники, управляли опираясь на армию и готовили законодательное оформление колониального положения Туркестана в составе Российской империи.

Новая система управления плохо и болезненно прививалась на туркестанской почве. Она не могла существенно изменить внутренние тенденции развития местного общества, в котором под мощным колониальным прессом зрели силы сопротивления режиму, основанному на угнетении и унижении человека.

ГЛАВА II. СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЕ И ЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ В КОНЦЕ XIX -НАЧАЛЕ XX В.

2.1. Реформирование колониального режима в конце XIX века

Диаметрально противоположные представления о формах и методах колониальной эксплуатации Туркестана, сложившиеся в 60-е - середине 80-х г.г., повлияли на политический курс краевой администрации и прежде всего на подготовленные ею проекты нового законодательного акта об управлении Туркестаном. Являясь составной частью российского бюрократического аппарата, возглавляемое К.П. Кауфманом «военно-народное» управление в этих проектах заботилось прежде всего об обеспечении интересов феодально-монархических верхов.

С другой стороны, повседневная практика убедила колониальные власти в том, что методы внеэкономической эксплуатации не поведут к быстрому росту доходности Туркестана для царской казны. Поэтому они предлагали в своих проектах путь медленных и осторожных реформ - пересмотра системы земельных отношений, налогообложения населения, государственного финансирования промышленного и железнодорожного строительства и т.д. В целом программа местных властей не противоречила общему курсу царского правительства конца XIX в., который характеризовался довольно быстрой индустриализацией и специализацией центральных регионов России.

Однако, намеченная властями с учетом социально-экономической специфики и военно-политической ситуации программа требовала солидных материальных издержек. Экономическое же положение и финансовые возможности России резко лимитировали бюджет колониальной администрации, вследствие чего её политика не могла привести к немедленной, или по крайней мере к скорой, отдаче. Поэтому феодально-бюрократические верхи России вынесли вотум недоверия курсу К.П. Кауфмана, отклонив, после долгих мытарств по министерским кабинетам,

представленные им в 1871 и 1873 годах проекты положения об управлении Туркестаном.

Почти безупречным предлогом для этого явились соображения о недостаточной продуманности проектов, давние повод обвинить Кауфмана «бюрократическом радикализме» т.е. волюнтаристическом подходе к решению важных государственных задач.

Многого нареканий было сделано со стороны российских министерств по вопросам управления Туркестаном. Так, Министерство решил сочло излишним «подробнее перечисление всех прав туземцев как русских граждан» и рекомендовало ограничиться присвоением коренному населению «прав сельских и городских областей, законам определенных». Относительно прав сельского население «по условиям своего быта ближе всего подходящего к низшему сословию империи» рекомендовалось воздержаться от их раскрытия указывалось, что население не должно пользоваться особыми правами.

Министерство внутренних дел, в свою очередь, подвергло критике намерение предоставить «право состояния городских обывателей» жителям всех городов Туркестана и указывало, что такие права могут получить лишь жители исторически сложившихся крупных торговых центров Востока - Ташкента, Коканда, Андижана, Маргелана, Намангана и Самарканда. Допускалось присвоение вышеуказанных прав также для жителей Ходжента, Чимкента, Аулие-Ата, Катта-Кургана и Туркестана. В силу того, что в них «сосредоточились уездные присутствия, значительная часть войск и должностных лиц». Что же касается остальных, то полагалось, что они могут быть присвоены лишь жителям тех населенных пунктов, «где водворялись русские» и «возникла русская торговля».

Особенно много нареканий со стороны Министерства финансов вызывали вопросы поземельного устройства Туркестанского края. В соответствии с проектом 1873 г. планировалось амляковые земли передать в пользование тех дехкан, кто их фактически обрабатывал и в дальнейшем

распространить этот же порядок на вакуфные и мульковое землевладение. Министерство финансов отмечало, что «основные начала такого устройства прямо противоречат общему характеру всей поземельной реформы, совершенной и совершающейся в России», что статья 204 проекта противоречит одному из основных законов о праве собственности, на основании которого владелец имеет право на все произведенное на поверхности, её, на воды в пределах ее находящихся; что «право собственности государства на оросительные каналы, ручьи и речки, при условии, что пользование водою будет производиться по установившемуся обычаю», как это было запланировано в проекте «представляется совершенно фиктивным»⁴² Министерство предлагало сохранить за населением «и право, и порядок пользования по установившемуся обычаю», а «не правилами утвержденными генерал-губернатором, ибо в противном случае право это не имеет никакого фактического значения».⁴³ В случае же обращения земель «стоящих в настоящее время на праве собственности», в «государственные на праве пользования», как планировалось, то это считали в МВД повлечет за собой или проведения этого раздела проекта в соответствие с основами землеустройства в самой России или вообще «изменения коренных законов империи».

Несмотря на столь серьезные замечания к предупреждения правящих структур, Кауфман, пользуясь предоставленным ему правом «изменять управление краем соответственно местным условиям», осуществляет на практике ряд мероприятий по земельному вопросу.

В частности, согласно его распоряжениям мульковые земли частично были изъяты в пользу казны и ликвидированы привилегии мулькдаров; их земли облагались податями наравне с амляковыми землями в случае возникновения земельных споров указывалось на необходимость обязательного учета «фактического владения землей» в момент спора и

⁴² Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане. – Т.,1969. –С.45.

⁴³ Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане. – Т.,1969. –С.46.

подчеркивалась решающая роль этого фактора при разборе наиболее сложных дел в народных судах⁴⁴.

Подобные «своеволия» Кауфмана дали основание ревизору Гирсу заявить, что он «значительно отступил от преподанных ему к руководству оснований» и «во многом изменил самые основные начала, указанные в 1867 г. для управления Среднеазиатской окраиной».

Чиновничья переписка по вопросам управления Туркестаном была довольно бурной и длилась более 10 лет. Местная администрация настаивала на скорейшем проведении реформ в экономической жизни края, считая, что затягивания их принесет не только «весьма серьезный ущерб государственному казначейству, но и вредно отзовется» на политическом положении России в Туркестане. Кауфман отвечая своим оппонентам, в частности, писал: «Если мы будем управлять таким образом краем и впредь, то население его не будет считать нас своими властителями, а по справедливости сочтет за полицейских агентов, в распоряжении которых имеется на всякий случай внушительная военная сила. Мы приучим его к соблюдению внешних форм порядка, но серьезного влияния на самую жизнь его иметь не будем. Такой образ действий может повести за собой весьма пагубные последствия».

К середине 80-х годов XIX века становилось все более очевидным, что феодальная по своей сути система управления, с присущим ей безграничным административным произволом, тормозила развитие новых отношений, связанных с интересами торгово-промышленных кругов России и местных предпринимателей. Это позволяет считать, что критика правящими сферами курса колот шальной администрации, звучавшая весьма грозно, даже с намеками на подрыв «устоев» самодержавия, на самом деле была «свойской». Эти сферы не мешали Кауфману «обкатывать» критикуемые проекта в самой большой и густонаселенной Ферганской области, управляемой соответствии с проектом 1873 г.

⁴⁴ Отчет Гирса....., с.4

Общая площадь Туркестанского генерал-губернаторства в конце XIX зона составляла 1738918 квадратных километров. Численность населения по неполным данным Первой Всероссийской переписи достигала 5280983 человека. По данным, собранным статистическим управлением России в 1911 году, она составила 6492592 чел.

Возрастание численности населения происходит за счет, естественного прироста и за счет переселения мигрантов из европейской части России. В переписи 1897 года оно приведено лишь в отношении русского населения и выглядит следующим образом: дворяне и чиновники - 2,1%, духовенство и городское сословие - 6,5%, крестьяне - 20%, казаки - 8,1% из общего состава русского населения. Таким образом, примерно половина русского населения, если учесть зажиточные слои крестьян и казачьих сословий, составляла живую силу колониального аппарата российского самодержавия в Туркестане. Она опиралась на царскую армию. Ей принадлежало руководство политической и экономической жизнью края. Такова была общественная основа колониального режима в конце XIX начале XX века.

Новый нормативный акт 1886 года в неизменном виде сохранил основные принципы «военно-народного» управления. В то же время он ограничил права местной администрации по ведомственной линии, в области судопроизводства, и компенсировал это ограничение расширением полицейских и карательных функций власти.

В соответствии с «Положением» 1886 года сеть управленческих структур Туркестана была дополнена новым органом - Советом туркестанского генерал-губернатора. Его обязательными членами являлись военные губернаторы областей, правитель генерал-губернаторской канцелярии, начальник штаба ТуркВО, управляющий Казенной и Контрольной палатами. Председательствовал в Совете сначала генерал-губернатор, а с 1900 года его помощник.

Совету было предоставлено право законодательного почина в вопросах связанных с практикой управления. Кроме того, его ведению подлежали

вопросы обще административного характера, поземельно-податного устройствам земских повинностей⁴⁵.

Формальная коллегиальность в обсуждении: насущных проблем правления до некоторой степени ограничила «бюрократический радикализм» главных начальников края и впоследствии неоднократно вызывала многочисленные нарекания со стороны реакционно настроенных деятелей, считавших, что Совет только подрывает авторитет генерал-губернаторской власти⁴⁶.

Преобразования, связанные с разработкой и введением в действие «Положения 1886 г.», затронули также полномочия туркестанского генерал-губернатора во внешнеполитических вопросах. Это относится прежде всего к русско-бухарским отношениям. В январе 1886 г. было учреждено Российское императорское политическое агентство в Бухаре, являвшееся органом Министерства иностранных дел. Возглавлявший его чиновник был теперь официальным представителем царской России в Бухарском эмирате.

Полиагент осуществлял общий политический контроль за деятельностью бухарских властей и ведал всеми вопросами русско-бухарских отношений. Он выполнял также разнообразные консульские обязанности, связанные с охраной личных, имущественных и торговых интересов русских подданных, находившихся в Бухарском эмирате, а также представлял интересы иностранцев христианского вероисповедания.

Поскольку на бухарской территории возникли русские поселения, политическое агентство выполняло также общеадминистративные судебные функции. С 1899 года все внешнеполитические вопросы в Туркестане были поставлены под контроль Министерства иностранных дел. Они перешли в ведение дипломатического чиновника, находившегося в двойном подчинении и непосредственно занимавшегося связями с сопредельными государствами. Однако стремление сконцентрировать все дипломатические

⁴⁵ Положение об управлении Туркестанским краем. – СПб., 1886, – С.4

⁴⁶ Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Краевое управление. – СПб., 1910, – С.13.

дела в ведение специального чиновника внешнеполитического ведомства не было последовательно проведено в жизнь. За начальником Закаспийской области было оставлено право самостоятельно решать вопросы пограничных сношений с Ираном, а начальник Амударьинского отдела сохранил статус дипломатического представителя при хивинском хане.

С введением в действие «Положения 1886г.» начался процесс постепенного сужения функций колониальной администрации в экономической области. Это выразилось в создании многих государственных учреждений, подчинявшихся не Военному Министерству, а другим ведомствам, прежде всего Министерству финансов, Министерству земледелия и государственных имуществ, Министерству внутренних дел и др. Их создание по сути дела, превращало краевую администрацию в посредническую инстанцию между центральными государственными учреждениями и их местными органами. Хотя последние и подчинялись формально генерал-губернатору, но служебные директивы и инструкции получали минуя его, непосредственно из Петербурга.

Создавая в Туркестане местные учреждения Министерства финансов, как мы выяснили выше, царизм прежде всего заботился о повышении доходности своих колониальных владений. Именно этому должна была содействовать, и организация в Ташкенте Акцизного управления в 1886 г., занимавшегося сбором косвенных налогов с производства и торговли спиртными напитками, табака, спичек и нефтепродуктов, а также гербовых, судебных, паспортных и иных пошлин.

Той же цели соответствовало создание в 1890 г. вместо должности чиновника, особых поручений Министерства финансов при генерал-губернаторе Туркестанского таможенного округа. Он осуществлял контроль за торговыми связями со всеми странами, граничившими с Туркестаном. В 1896 г. в общеимперскую таможенную черту были включены также Бухарское и Хивинское ханства. В 1901 и 1902 годах соответственно были созданы Кокандская и Самаркандская таможни. В ноябре 1912 г. в связи с

общим преобразованием таможенных учреждений в России Туркестанский таможенный округ был преобразован в Ташкентский таможенный инспекторский участок.

Создание таможен в значительной мере способствовало закреплению за Россией рынков всего среднеазиатского региона.

В конце XIX начале XX в. значительно расширяется сеть Финансовых учреждений, в частности филиалов Государственного банка России и коммерческих банков. Филиалы Госбанка были открыты в 1890 г, в Самарканде, в 1893 г. в Коканде, в 1894 г. в Бухаре. Среди коммерческих банков первостепенную роль играли петербургские и московские. Такие как Волжско-Камский, Русско-Азиатский, Азовско-Донской, Московский международный торговый, Санкт-Петербургский международный, Русский торгово-промышленный и другие. Они имели свои отделения почти во всех крупных городах Туркестана.

подавляющее большинство этих банков было занято операциями с хлопком, приносившим большие дивиденды, а также выгодным вложением капиталом в различные торгово-промышленные фирмы, объединения, товарищества, промышленное и железнодорожное строительство. К 1915 г. в Туркестане было открыто 10 отделений Госбанка и 40 отделений коммерческих банков. Они создавали и обеспечивали монополистические соглашения, задавали тон в предпринимательских структурах, превращаясь постепенно в важный фактор экономической жизни края.

Содействие торговым и промышленным сделкам, банковским операциям и фирмам оказывали также созданные по распоряжению генерал-губернатора Туркестанский хлопковый арбитражный комитет (в 1891 г.) и Кокандский биржевой комитет (в 1906 г.).

Под эгидой Министерства финансов, законом от 9 мая 1889 года учреждается также институт податных инспекторов, являвшихся агентами Казенной палаты в городах и уездах края. Их функции сводились к наблюдению и контролю за раскладкой и сбором податей с оседлого и

кочевого населения, за налогообложением торговли, промышленности, земельной собственности. Податные инспектора также были наделены правом контроля за деятельностью чиновников областей и уездов, что формально ограничивало произвол и злоупотребления административного аппарата.

Однако, сами инспектора зачастую были мало компетентны и методы их работы нередко становились фактором дополнительной напряженности в обществе. В делах, относящихся к разряду инспекторской части, содержатся многочисленные сведения о самовольном повышении норм сбора податей и повинностей, вымогательствах и подлогах, о махинациях с документами на землю.

Так, по признанию одного из чиновников поземельно-податной комиссии, проверявшей изменение порядка налогообложения в Туркестане в 90-е годы, большинство этих чиновников были «искушены лишь в списывании бумаг в податных управлениях» и не имели четкого представления о проводимых мероприятиях. Не зная ни аза по местному наречию, они должны были исследовать подлинность вакуфных документов, и все они по заранее установленному обычаю и плану признавались подложными. Этим существенно нарушались права религиозных и благотворительных установлений и питались то возбуждение, то скрытое противодействие иноверному (т.е. русскому) влиянию.

Во многом аналогичные с этими учреждениями задачи были призваны решать учреждения, подведомственные Министерству земледелия и Государственных имуществ.

Созданный в 1895 г. Туркестанский горный округ заботился о повышении доходности для царской казны горнодобывающей промышленности. Его ведению подлежали все геологические изыскания и организация эксплуатации новых шахт, рудников и нефтепромыслов.

Общий надзор за природными ресурсами осуществляло Управление земледелия и государственных имуществ, учрежденное в 1897 г. Оно

занималось ирригацией, лесным хозяйством, опытно-экспериментаторскими изысканиями. Также это управление осуществляло контроль за сельскохозяйственными учебными заведениями - гидротехнической и гидрометрической школами, школами садоводства, виноградарства и плодоводства и др. Существенное значение имела его деятельность по сбору и анализу данных о состоянии хлопководства: учету общих площадей, занятых под хлопком, состоянии посевов, видов на урожай, сбору сведений о состоянии хлопкоочистительных и маслобойных заводов, ценах на волокно. Такого рода данные собирались трижды в течение года - в июле, сентябре, декабре и сводились в погодные сравнительные данные по всему Туркестану. Предпринимались, хотя и в ограниченных масштабах, меры по приобретению и распространению в крае сельскохозяйственного инвентаря и машин, а также в пропаганде элементарных агрономических знаний.

Другим важным направлением деятельности Управления земледелия и госимуществ было осуществление переселенческой политики царизма в Туркестане. Организационно-технической стороной переселения российских крестьян из внутренних губерний занимался специально созданный для этих целей в 1907 г. переселенческий отдел, преобразованный в 1911 г. в Переселенческое управление.

Форсируя переселение российских крестьян в Туркестан, царское правительство стремилось ослабить земельный голод в центре, а главное создать себе опору в лице переселенцев. Им предоставлялись довольно значительные наделы. По закону 1886 г. Каждое лицо мужского пола получало 10 десятин. Начиная с 1903 года в районах смешанного типа земледелия этот надел увеличился до 20 десятин на хозяйство.

В Ферганской области в 1911 г. насчитывалось 23 переселенческих поселка, в Самаркандской - 13 и в Закаспийской - 27.

Важно, как возникали эти поселки и какой переворот вызвало их появление в жизни местного населения. Отчет сенаторской ревизии Палена зафиксировал «массовое смещение киргизов с зимовых стойбищ». Сгонялись

не только отдельные хозяйства, по и целые аулы. Показательно в этом отношении описание деятельности Семиреченской переселенческой партии: «Чинами переселенческой партии предположено было разрушить свыше 5100 очагов оседлости с населением более 30 тыс., душ. Такое смещение было намечено в целях получения 250 тыс. десятин удобной земли, достаточной для обеспечения приблизительно 6,5 тыс. переселенческих хозяйств, по расчету 40 десятин на хозяйство». Однако, практика заселения показала, что около 60% намеченной для переселенцев земли оказалось малопригодной для ведения хозяйства и на указанных выше «250 тыс. десятин земли могли устроиться не более 2,5 тыс. хозяйств», для устройства же других переселенческих хозяйств пишет Пален «потребуется разрушить едва ли не двойное число очагов киргизской оседлости». Он не скрывает, насильственного характера колонизации и в то же время признает, что «киргизы почти повсеместно перешли к оседло-скотоводческому хозяйству и что во многих случаях осуществление намеченных переселенческой партией проектов приведет смещаемые киргизские «хозяйства к разорению».

Что же касается уровня земледельческой культуры, принесенной переселенцами, то она оставалась крайне низкой. "Ни в смысле разнообразия культур, ни в смысле системы хозяйства,- свидетельствует В. Васильев, - русские не превзошли оседлых туземцев.. наоборот последние возделывают рис, масленичные, культивируют разнообразные сорта овощей, выращивают виноград, персики и даже иногда хлопок, которые требуют гораздо более интенсивного хозяйства, чем обычное крестьянское залежное полеводство»
Даже хозяйства киргизских кочевников, в смысле приспособления к природным условиям области.... отстоят выше хозяйства русских"

То же самое можно прочесть у Палена. "Обработка земли на крестьянских наделах самая первобытная. Пашут на глубину 2-4 вершков, по одному разу, больше с весны. Удобрений не применяют. Урожаи первоначально доходившие до 150-200 пудов с десятины, понизились в настоящее время на отведенных крестьянам землях до 30-60 пудов" - пишет он. Это

обстоятельство было одной из причин постоянно увеличивающихся "аппетитов" на земли коренного населения Туркестана.

С принятием закона 19 декабря 1910 г. «О дополнении ст.270 Туркестанского положения» была узаконена и усилена практика экспроприации земель коренного населения. Начались массовые захваты земель и в оседлых районах края.

Администрации переселенческого управления выпущена была констатировать, что «в связи с лихорадочной работкой земледельческих партий» и вследствие «слишком широкого толкования о размере излишков у коренного казахского и киргизского населения были отобраны огромные площади земли, частью ему жизненно необходимые», что в их пользовании остались преимущественно полу-пустынные, степные пространства и горы»⁴⁷.

В то же время правящие круги России продолжали объяснять «изъятие излишков» земель у коренного населения необходимостью в XX в. «прекратить кочевой образ жизни киргизов». Более того считалось, что русское переселение должно быть направлено в орошаемую хлопковую зону. Для заселения хлопковых районов предполагалось использовать переселенцев из юго-западных губерний империи, которые по мнению специалистов могли «дать отличных хлопководов».

Великодержавно-националистические тенденции в планах правительства в отношении будущего «русского» Туркестана наиболее четко выражены в «Записке» министра земледелия Кривошеина на имя царя⁴⁸. В ней развитие сельского хозяйства в крае связывается с вопросом укрепления «русских земель» в орошаемой хлопковой зоне, ибо только тогда, считал Кривошеин «политическое преобладание русской народности» будет «закреплено и хозяйственной ее силой»⁴⁹. Далее в «Записке» излагались планы по орошению примерно трех миллионов десятин земли, которые должны

⁴⁷ См.: Васильев В. Семиреченская область, как колония в роль в ней Чуйской долины. – Пг., 1915, – С.83

⁴⁸ См.: Кривошеин А.В. Записка главнокомандующего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Приложение к всеподданнейшему докладу. – СПб., 1912

⁴⁹ См.: Кривошеин А.В. Записка главнокомандующего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Приложение к всеподданнейшему докладу. – СПб., 1912, – С.81

были поступить в распоряжение 100 тысяч русских хозяйств». Министр предлагал организовать эти хозяйства таким образом, чтобы они не выглядели «захудалами и приниженными», а были бы богаче «туземных кишлаков»⁵⁰.

Как видим, намечалась довольно обширная программа колонизации орошаемых районов, усиления эксплуатации природных ресурсов Туркестана и превращения его в аграрно-сырьевой придаток империи.

Итак, созданные и задействованные в процессе колонизации Туркестана управленческие структуры и государственные учреждения» фактически работали на внутренний рынок метрополии, обеспечивая наряду с политической, прочную экономическую и финансовую зависимость страны от России, Появившиеся при их содействии обрабатывающие (отрасли, монокультура хлопчатника, плантационное хозяйство - вес его создавало анклав капиталистического производства, которые не были интегральной частью национального хозяйственного организма. Они обслуживали нужды торговцев, промышленников, коммерсантов, фирмачей и т.д., содействуя их баснословным прибылям и одновременно понижению уровня массового и среднего производителя.

Дальнейшие усилия по «усовершенствованию» колониальной системы власти предпринимались в обстановке все более и более нагнетающегося кризиса самодержавной политической системы в целом» потрясенной поражением в войне лицами первой русской революцией и вступлением в первую мировую войну 1914-1918 годов.

Эти усилия получили отражение в многотомных материалах различных комиссий, совещаний и ревизий местного и общероссийского масштаба, периодически и «неустанно» работавших в Туркестане. Среди них комиссии Т.С. Кобеко (1894г.), Н.И. Королькова (1896 г.), К.А. Нестеровского (1902-1903 г.г.), К.К. Палена (1908- 1909 г.г.), П.А. Харитонova (1911 г.) и А.Н.

⁵⁰ См.: Кривошеин А.В. Записка главнокомандующего землеустройством и земледелием о поездке в Туркестанский край в 1912 г. Приложение к всеподданнейшему докладу. – СПб., 1912, – С.101

Куропаткина (1916г.). Озабоченные «сохранением единой и неделимой России», недопущением «сепаратизма» окраин, эти комиссии разрабатывали и предлагали меры по модернизации механизмов управления Туркестаном и укреплению колониального режима.

Комиссия под руководством Нестеровского подготовила «Проект отправления Туркестанским краем», в котором четко проводилась мысль, что главным злом в системе управления является выборное начало для сельской и волостной администрации. Комиссия считала, что коренное население еще не готово «для восприятия благ самодержавия» и потому «выборное начало» необходимо немедленно отменить. Оно может быть сохранено считала комиссия, временно, сроком на один год и только для сборщиков податей, с последующим утверждением выбранных кандидатур уездными начальниками.

Областную и уездную администрацию предлагалось наделить правом назначения на все должности, вплоть до «народных судей». Идея централизации всей власти в руках русской администрации импонировала правительству, но пойти на это, в преддверии назревавшей в стране первой русской революции, оно не решалось.

После революции, в связи со сменой политического курса правительства П.А. Столыпина в направлении усиления национализма, в край была послана ревизионная комиссия К.К. Палена, которая наряду с выявлением негативных фактов в действиях русской и «низовой» администрации и основательной их «чисткой», предложила создание более сильной и гибкой администрации, которая сумела бы крепче держать в уезде народные массы Туркестана и не допустила бы выступлений против властей, какие имели место в 1905-1907 года.

Она рекомендовала создание в Туркестане «смешанных волостей из русских и туземных сельских обществ» во главе с русским волостным старшиной.

Особое внимание ревизионной комиссией придавалось расширению попечительно-охранительных функций власти, за счет сокращения функций хозяйственных и общественных, существенному увеличению количества полицейских стражников, в том числе и конных, учреждению новых должностей помощников по полицейской части в областях и уездах и должности обер-полицмейстера в городе Ташкенте, улучшению материального и пенсионного их обеспечения и предоставлению им различных льгот⁵¹.

Комиссия под руководством государственного контролера П.Д. Харитонов и помощника военного министра А.А. Поливанова в своих рекомендациях особый акцент делала на восстановлении в Туркестане «единой и сильной власти» времен К.П. Кауфмана. Было предложено восстановить полномочия туркестанского генерал-губернатора над ведомственными учреждениями, вплоть до полного контроля за их деятельностью. Предоставить ему такие же права какие имели начальники ведомств и министры в центре.

Принимавший деятельное участие в работе этой комиссии генерал-губернатор А.В. Самсонов настаивал на предоставлении ему полномочий, идентичных с полномочиями царского наместника на Кавказе.

Начальники всех ведомственных учреждений в Туркестане, кроме подведомственных Министерству юстиции и Министерству императорского двора и уделов, обязательно должны были согласовываться с генерал-губернатором. Документы этих учреждений в копиях должны были «безотлагательно» поступать в его распоряжение.

Ревизионные права генерал-губернаторов рекомендовались расширить до прав ревизующего сенатора Государственного Совета.

Попрежнему принципиально важное значение придавалось усилению административно-полицейских полномочий властей, чем в полной мере

⁵¹См.: Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Полиция безопасности. – СПб. ,1910, –С. 25, 27, 168, 170

воспользовался А.В. Самсонов в 1909-1914 года и его преемники генералы Флуг, Мартсон, Ерофеев и Куропаткин.

«Устроители» Туркестана, объективно являясь выразителями взглядов российского служилого дворянства и типичными представителями «великорусского» центра, оказались неспособными внести сколько-нибудь существенные изменения в его управление, обеспечить правовое разрешение насущных социальных проблем края. Их рекомендации носили традиционно колониальный характер и были направлены на дальнейшее повышение статуса русской власти в Туркестане.

Тем не менее последние усилия по административному переустройству Туркестана предпринимаются вновь в 1916 г,- в экстремальной для колониальных властей ситуации - в ходе первой мировой войны и национально-освободительного восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Эти усилия были поддержаны и российской буржуазией, бурно обсуждавшей на сессиях IV Государственной Думы вопрос о причинах восстания 1916 г. в Средней Азии. Представители различных партий резко критиковали правительство, считая основной причиной восстания изданный царем указ о наборе коренного населения на тыловые работы, проведенный в жизнь «с нарушением всех элементарных требований закона и права»⁵². Восстание, заявляли они, явилось результатом не только «невежества и безумия верхов», но и результатом «разложения местной системы управления», царившего в крае «крепостного права администраторов» и требовали пересмотра «в самый кратчайший срок архаичных положений 1886 года»⁵³.

В августе 1916 г, опытные по части законотворческой работы столичные и местные специалисты приступили к разработке последнего проекта реформы управления Туркестанским краем и подготовке его для рассмотрения в законодательных учреждениях России. Руководил работой

⁵² См.: Восстание 1916 г. в Средней Азии. Об. документов. Госиздат, Уз ССР. Ташкент. 1932, – С.6

⁵³ Восстание 1916 г. в Средней Азии. Об. документов. Госиздат, Уз ССР. Ташкент. 1932, – С.124-125

этой последней комиссии, с присущим ему усердием А.Н. Куропаткин, назначенный в июле 1916 г, генерал-губернатором края.

«Уполномоченный» царем на беспощадное, по законам военного времени, подавление национально-освободительного восстания, он как мы знаем, торжествовал «победу». Но видел, что борьба далеко еще не окончена, сохраняется множество факторов, которые грозят большими «неприятностями» режиму. В этой обстановке Куропаткин вынужден принимать меры «по разрядке напряжения», отменяя откровенно дискриминационные постановления своего предшественника генерала Ерофеева, организуя расследования наиболее очевидных злоупотреблений туркестанской администрации в ходе набора на тыловые работы и готовясь к «реформам» по управлению краем.

В центре внимания комиссии по административным вопросам была реорганизация управления в областях, уездах и особенно радикальная в сельских районах, потому что именно там администрация оказалась неспособной предотвратить народные волнения, а порой своими злоупотреблениями по службе усиливала их размах.

В областях, как и прежде, планировалась дальнейшая централизация управления. Областные правления, через вновь создаваемые отраслевые отделения, должны были взять под свой контроль все ведомственные учреждения.

В уездах предполагалась перестройка на основе положений, принятых Министерством внутренних дел в отношении Астраханской губернии России. Предусматривалось введение института крестьянских начальников и большое значение придавалось усилению личного состава уездной администрации. Начальникам уездов выделялись два помощника по административной и полицейской частям; при уездных управлениях создавался новый коллегиальный орган - уездный съезд с секретарем, помощниками и переводчиками. Попечительные функции уездной

администрации в отношении коренного населения существенно расширились созданием конно-полицейской стражи.

Возбуждавший ранее много споров и разногласий, вопрос о волостном и сельском управлении привлек особое внимание комиссии Куропаткина. Новый проект предусматривал существенное изменение пределов самостоятельности сельской администрации. Ее обязанности теперь ограничивались только хозяйственными вопросами. Надзирать же за ней должны были особые органы в лице крестьянских или участковых начальников.

В то же время усиливались значение и престиж волостной администрации. Ей передавались полномочия по административному управлению созданием единых волостей из сельских крестьянских и «инородческих» обществ. Другими словами, колониальная администрация на местах полностью русифицировалась.

Члены комиссии Куропаткина нашли целесообразным установить для «низовой» администрации ряд мер поощрительного характера - повышение окладов, введение специальных медалей за выслугу и привилегии.

Категорическое возражение членов комиссии вызвало предложение представителя азиатской части Глазного штаба Вдзенковского об отмене выборной системы для волостной и сельской администрации. После долгих дебатов решено было сохранить принцип выборности, но уменьшить влияние «туземной» администрации на дела.

В неизменном виде сохранялся и институт «народного» суда. К нему со временем предполагалось применить начала волостного суда Европейской части России. Таким образом, даже накануне своего падения царизм предусматривал сохранить еще на несколько десятилетий уже изжившую себя систему «военно-народного» управления. Четко продуманный программы административного переустройства Туркестана, ее модернизации в соответствии с новой общественно-политической обстановкой, сложившейся в стране в конце XIX - начале XX в., не было.

Общей сутью проектов оставалось обеспечение жесткого централизованного изъятия прибавочного продукта из колонии и усиления полицейской «опеки» над ее населением. Местный аппарат, по-прежнему, должен был обеспечивать организующую роль в колониальном ограблении Туркестана.

Руководители среднеазиатской политики в центре и исполнители ее на местах, являясь представителями военно-феодалных кругов, были сторонниками консервации отживших государственных институтов. Лишь намечая выход из той или иной неблагоприятной для себя ситуации и пути к решению крайне ограниченных задач, они оказались неспособными решать вопросы действительно государственные.

Все это придавало колониальной системе власти в Туркестане ярко выраженный полицейский характер. Сложная структура этой власти, соподчиненность ее звеньев, казенно-бюрократические методы деятельности призваны были регулировать многостороннюю жизнь подданных, начиная с устройства их территории, по утвержденному царизмом образцу, и кончая тщательным контролем за их нравственностью и поведением.

2.2. Аппарат управления, его состав и деятельность

Длительный и мучительный для народов Средней Азии процесс завоевания сопровождался постепенным созданием колониального аппарата управления, с его бюрократическим централизмом и сложной иерархией чиновников. Закон иерархии заключался в отождествлении функций исполнительной власти и контроля. Контроль административной деятельности в Туркестане осуществлялся лицами, которые сами являлись членами административного аппарата. Эти лица отбирались на административные посты на основе «добросовестного выполнения служебных обязанностей». Правила продвижения по службе не благоприятствовали развитию способностей администрации учиться на собственных ошибках. Низшие административные уровни старались скрыть

отрицательные последствия своих действий, так как правдивое освещение социальных фактов мешало продвижению по службе. Высшие административные уровни доверяли низшим и оценивали их действия прежде всего с точки зрения соответствия установленным принципам управления и распоряжения начальства. Тем самым замыкался круг взаимного введения в заблуждение, что приводило к беззаконию и произволу властей. Атмосфера Безоговорочного послушания, отсутствие возможности свободно выразить собственное мнение, даже очерненное кругом официозных представлений, приводили к утверждению лжи и лицемерия, возведенных в систему власти. Вполне естественно, что в планы этой власти не входило служение народам Туркестана или расчищения путей для материального и духовного развития нации, поэтому даже те реформы, проведение которых настоятельно требовала жизнь, приводили к противоречивым результатам. Основными задачами колониального аппарата было обеспечение прочности: господства царизма в Туркестане, неограниченной власти чиновников, во главе с генерал-губернатором, поддержание угодного царизму «порядка» и подавление любого сопротивления установленному режиму. Для выполнения этих задач, как мы видели выше, был взят курс на разрушение политического и экономического влияния старой знати путем введения выборной системы на местах и насаждение новой популяции чиновников, беспрекословно выполнявших волю русской администрации.

Высшее звено этой администрации составляли генерал-губернаторы и военные губернаторы, сосредоточившие в своих руках всю информацию о положении дел в Туркестанском обществе, обладавшие всей полнотой политической власти и добивавшиеся регламентации экономической, социальной и политической жизни общества. Попытаемся выяснить состав высшей бюрократии Туркестана, продолжительность его службы, численность, денежное содержание, сословную принадлежность и образовательный уровень,

С 1867 по 1917 годы в Туркестане сменилось 12 генерал-губернаторов, утвержденных на эту должность царем: К.П. Кауфман (1867-1882гг.), М.Г. Чернявв (1882-1884г.г.), Н.О. Розенбах (1884-1888г.г.), А.Б. Вревский (1889-1898г.г.), С.М. Духовской (1898- 1901 г. г.), Н.А.Иванов (1901-1904 г.г.), Н.Н. Тевяшов (1904-1905 г.г.), Д.И. Суботич (1905-1906 г.г.), Н.И. Гродеков (1906-1908 г.г.), П.И. Мищенко (1908-1909 г.г.), А.Б. Самсонов (1909- 1913 г.г.), А.Н. Куропаткин - 22 июля 1916 г. по 31 марта 1917г.г. В течении 1914-1916 годах правили краем три временных генерал-губернатора Флуг, Мартсон и Ерофеев, так и не утвержденные царем в этой должности.

До двух лет занимали должность генерал-губернатора шесть человек, до трех лет - два человека, до пяти лет - два человека, до восьми - один человек и до четырнадцати лет - один человек, Таким образом, ровно половина генерал-губернаторов находилась в крае более двух лет. Только в период первой мировой войны сменилось четыре человека, последний генерал-губернатор А.Н. Куропаткин правил краем всего восемь месяцев.

Быструю сменяемость туркестанских генерал-губернаторов, можно объяснить тем, что почти все они, или по крайней мере, значительная их часть были людьми малосведущими в вопросах административного управления краем и часто не соответствовали той роли, которую на них возлагал занимаемый пост.

Данные по делам генерал-губернаторов позволяют вывести средний показатель содержания туркестанского генерал-губернатора - 30-35 тыс. рублей в год, что больше содержания губернатора во внутренней губернии России, примерно в 4 раза. По данным И.А. Рубакина оклады в России составляли в среднем 8 тыс. руб. в год. Кроме того, из отчетов по ревизии денежных расходов в крае известно, что на содержание дома и дачи туркестанских генерал-губернаторов выделялось в среднем по 12 тыс. рублей в год.

В областях полными «хозяевами» положения были военные губернаторы.

Оклады военных губернаторов составляли от 12 до 15 тыс. руб. в год, что было в два- раза больше, чем у губернаторов в центральной России. Военные губернаторы были прежде всего послушными чиновниками, выполнявшими безотлагательно волю и распоряжения генерал- губернатора края. В то же время они обладали и известной самостоятельностью. Исходя из того, что Петербург далеко, представители областной власти нередко творили самоуправство и беззаконие.

Надо обращать внимание к личной характеристике туркестанских генерал- губернаторов и их окружения. Каковы эти люди, оказавшиеся у власти в 1865-1917 годов. в Туркестане, побудительные мотивы их деятельности, взаимоотношения генерал-губернаторов с «верхами», и «низами» туркестанского общества - эти вопросы, на наш взгляд, дают перспективу для характеристики колониальной системы власти и дополняют общую картину внутренней политики российского самодержавия.

За время службы в Туркестане (1867-1882 г.г.) К.П. Кауфман проявил себя как жестокий завоеватель. Хотя и был при этом незаурядным и энергичным администратором. Он сумел неплохо приспособиться к сложным условиям азиатского края и побил своеобразный рекорд длительности пребывания на посту туркестанского генерал-губернатора.

Это был достаточно умный и образованный администратор, но как типичный представитель российского генералитета, не был склонен к либерализму и твердо проводил политику самодержавия, в завоеванном крае. В течение почти 15 лет Кауфман стоял во главе края и царской армии, верой и правдой служил «царю и отечеству», воспринимая интересы царизма в новой колонии, как свои собственные.

Кауфман руководил всеми завоевательными акциями царизма этого периода. Так, Л. Костенко, описывая взятие Самарканда царскими войсками

свидетельствует: «Обозленный упорным сопротивлением фон Кауфман приказал пленных не брать. Приказ был выполнен точно. Были зверски избиты раненые»⁵⁴. Город на три дня был отдан на разграбление и сожжен. Русский художник В.В. Верещагин, сопровождавший войска в этом походе так характеризует Кауфмана: «... как теперь вижу генерала Кауфмана на нашем дворе, творящего суд и расправу над разным людом. Добрейший Константин Петрович, окруженный офицерами, сидел на походном стуле, и, куря папиросу, совершенно беспристрастно произносил: расстрелять, расстрелять, расстрелять».⁵⁵ Трагедия народов Туркестана стала «триумфом» царских генералов.

Царь же осыпал Кауфмана почестями и наградами, "высочайше повелев" начертать имя Кауфмана золотыми буквами на доске Инженерного училища с надписью «Самарканд 1868»⁵⁶. Новые почести и еще более высокие награды были пожалованы Кауфману за Хиву и Коканд. В 1874 г. он был произведен в полные генералы. Являясь непреклонным защитником интересов самодержавия Кауфман вместе с тем выдвинулся как чиновник с довольно широким кругозором и гибкостью в своих действиях. Опыт работы в канцелярии Военного министерства в качестве ее директора в начале 60-х годов, участие в специальном комитете по подготовке военных реформ под руководством Д. А. Милютина пригодились Кауфману в Туркестане⁵⁷.

Мероприятия его администрации по управлению краем можно газвать осторожными и вынуждено уступчивыми по отношению к местным обычаям и традициям. Понимая предстоящие задачи экономического освоения края, Кауфман, в отличие от своих преемников, был инициатором многих: начинаний во внутренней и внешней политике.

Известно, что при нем законодательным порядком было запрещено рабство в русских владениях Туркестана, а также в Бухаре и Хиве. Этот акт

⁵⁴ Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. -СПб., 1871, –С.161

⁵⁵ Верещагин В.В. Самарканд в 1868 году. - Русская старина, 1889, № 9, – С.617-649

⁵⁶ Чижев Б. Генерал-адъютант К.П. фон Кауфман. – Пг.,1915,– С.8

⁵⁷Кауфманский сборник. – М.,1970,– С.8

был расценен в европейских странах, как самый гуманный из всех, которые когда-либо осуществлялись в Азии европейскими государствами. Категорически был запрещен ввоз в пределы Туркестана наркотиков, которые согласно «Временным правилам о ввозной торговле» в случае обнаружения конфисковались без выплаты владельцу какой-либо компенсации⁵⁸.

Его администрация придерживалась политики невмешательства в религиозную жизнь, традиции и обычаи местного населения. Старые мусульманские институты были почти не затронуты. К принятию христианства местное население не принуждалось, как это скажем было в свое время в Поволжье, хотя за добровольный отказ от мусульманства принятие христианства было установлено денежное пособие.

Эту сторону деятельности Кауфмана европейские публицисты, освещавшие ход военных действий царизма в Средней Азии и его первые мероприятия по управлению, называли «гениальной». Благодаря ей, России удалось избежать крупных политических потрясений в регионе и стабилизировать обстановку.

Дело было, конечно, не в гениальности Кауфмана, а в элементарной его осторожности и умении трезво оценить обстановку. В отличие от многих своих преемников, он не мог допустить недальновидности в стране, где, как он пишет военному министру Милютину: «мусульмане показывают столько холодной сдержанности, столько равнодушия, даже неуважения к представителю верховной власти, что можно предложить существование какого-нибудь лозунга... Я пришел к убеждению, что настроение умов здесь неладное, что расположение к русской власти и готовность воспользоваться удобным случаем, чтобы освободиться от нее, действительно существует»⁵⁹

⁵⁸Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии. – Ташкент, – С.54

⁵⁹ Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края. – М., 1980, – С.34

«Нерасположение к русской власти» и «готовность освободиться от нее» вот главные мотивы вынужденных лояльных действий Кауфмана в завоеванных землях. Кауфман вынужден растолковывать своему окружению «их новое положение» по отношению «к своим подданным», что ни оружием, ни законодательством» они «не смогут завоевать край духовно», что устарелые формы политического и общественного бытия народов Туркестана необходимо как можно скорее заменить новыми нормами гражданственности»⁶⁰. Эта «нормы гражданственности», как мы уже знаем, носили откровенно колониальный и великодержавно-националистический характер.

Подготовленные Кауфманом, с учетом «постепенности и очередности мер», проекты по управлению Туркестаном; дважды отвергались российскими министерствами, посчитавшими эти проекты «вредными в политическом отношении», а вмешательство Кауфмана в земельно-налоговые вопросы «преждевременными и неуместными». Это обстоятельство, как мы знаем, не помешало Кауфману действовать по своему усмотрению и проводить проекты в жизнь в Ферганской области.

Одновременно с этим он выступает поборником развития образования в Туркестане и создания, как называемых «русско-туземных школ», в которых было предусмотрено совместное обучение детей русской и коренных национальностей. В своих директивах военным губернаторам областей он объясняет, что «в основание воспитания» должны быть положены «не религиозные различия, а одни и те же правила, при помощи которых можно как православных, так и мусульманских детей, сделать одинаково полезными гражданами России»⁶¹. Эти школы создавались из чисто прагматических соображений и были вызваны бюрократическими потребностями снабжения колониальных структур и государственных

⁶⁰ Чижев Б. Культурные преобразования К.П. Кауфмана в Туркестане. –Одесса, 1915, – С.16

⁶¹ См.: Граменицкий С. Очерки о развитии народного образования в Туркестанском крае. – Т., 1896,– С.3

учреждений переводчиками, мелкими служащими и обслугой, которые смогли бы понять и перевести намерения властей населению и наоборот.

В 1882 г. К.П. Кауфмана на посту генерал-губернатора сменил М.Г. Черняев. В 1885 г. он был военным губернатором Туркестанской области, но через 8 месяцев за превышение полномочий и неисполнение директив Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского был снят с этой должности и отозван в Петербург. Впоследствии М.Г. Черняев, примыкая к крайне реакционным кругам столичного общества, выступал с критикой курса Кауфмана и его администрации.

Через 17 лет Черняев возглавил туркестанскую администрацию в качестве первого лица. Однако, плохо подготовленный (в отличие от Кауфмана) к административной деятельности прослыл невежественным самодуром, а его сподвижники получили прозвище «зулусов».

А.И. Добросмыслов о периоде правления Черняева пишет так: «Чиновники дурной репутации, посредственные и слабые мало пострадали: вся тяжесть режима больного и безвольного старика... обрушилась на людей дела и более или менее выдающихся способностей». Был нанесен ущерб многим культурным учреждениям в крае. По распоряжению Черняева была реформирована Туркестанская публичная библиотека, погибло много ценных книг; была упразднена Ташкентская химическая лаборатория, закрыта школа шелководства.

Известно, что по настойчивой просьбе Черняева в край, почти одновременно с ним, в 1882 г, была направлена ревизионная комиссия во главе с сенатором Ф. Гирсом, которая позже опубликовала свой отчет с рекомендацией относительно административного устройства Туркестана, Но Черняеву не пришлось переустраивать край. Он был срочно, в феврале 1884 г. отозван в Петербург. Быстрому удалению Черняева из Туркестана способствовал, видимо, внешнеполитический аспект его деятельности.

Учитывая прежнюю военно-политическую деятельность Черняева, допускавшего своевольные действия, было решено срочно его отозвать⁶².

Н.О. Розенбах принимает деятельное участие в работе комиссии графа Игнатьева по выработке окончательного варианта «Положения 1886 г.». При его содействии создаются новые государственные учреждения: Совет при генерал-губернаторе (1887г.), Российское императорское политическое агенство в Бухаре (1886г.), Самаркандское областное правление (1887), Управление почтово-телеграфного округа, Сырдарьинской областной статистический комитет (1887г.), реорганизуется судебная система⁶³.

По распоряжению правительства, осуществляющего программу контрреформ Александра III, Розенбах возглавляет комиссию для пересмотра «Городского положения» 1870 г., действовавшего в Ташкенте с 1877 г. без утверждения в законодательном порядке. Изучение материалов комиссии дало основание Н.О. Розенбаху ходатайствовать перед правительством о целесообразности сохранения для Ташкента старого положения, уже «проверенного 10-летним опытом его применения». На основании представлений Розенбаха в высшие правительственные инстанции вышел указ 1888 г., распространявший на Ташкент действие «Городового положения 1870 г.», с некоторыми изменениями и дополнениями.

Придавая большое значение экономической эксплуатации Туркестана Розенбах усиленно содействует развитию хлопководства, шелководство, строительству промышленных предприятий по переработке сырья. В целях привлечения русской буржуазии к богатейшим источникам сырья и рынку сбыта в 1885-1886 годы устраиваются сельскохозяйственные выставки, на которых были представлены кустарно-промышленный и сельскохозяйственный отделы.

Н.О. Розенбах энергично осуществлял мероприятия правительства и по железнодорожному строительству. Принимая участие в обсуждении вопроса

⁶² Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – М., 1965, –С.408

⁶³ Тухтаматов Т.Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX начале XX в.–Т., 1966, –С.42

о железнодорожном строительстве в Комитете министров, он доказывал необходимость скорейшего продолжения Закаспийской железной дороги до Самарканда. Во «всеподданнейшем» отчете за 1887 г. Розенбах предлагает и обосновывает необходимость доведения дороги до Ташкента и в 1888 г. получает разрешение на ее строительство от Военного Министерства. С именем Розенбаха и его администрации связано полное восстановление фондов Туркестанской публичной библиотеки; создание сети русско-туземных школ, приходских училищ, издание русского аналога Туркестанской туземной газеты и т.д.

Преемником Розенбаха стал барон А.Б. Вревский, бывший начальник штаба Одесского военного округа. А.Б. Вревский управлял краем 8 лет, уступив по продолжительности пребывания на посту генерал-губернатора только К.П. Кауфману. Годы его правления (1889-1898) были отмечены многочисленными народными волнениями: «холерный» бунт 1892 г. в Ташкенте, выступления бедноты в 1893, 1895, 1896, 1897 годах в волостях и уездах Ферганской области, жестоко и беспощадно подавленные при помощи карательных отрядов. Причиной «распущенности» «туземцев» Вревский считал «ослабление авторитета местной администрации, который он всячески стремился усилить».

Вмешивался Вревский и в систему местного судебного устройства. В конце 1892 г. им была составлена новая «Инструкция народным судьям», суть которой сводилась к отмене выборного начала при замещении должностей казиев и биев. Правда, на практике она не получила применения.

Действующее в Ташкенте «Городовое положение» он считал опасным «в политическом отношении» и в многочисленных представлениях по этому поводу в Главный штаб добивался сокращения представительства от местного населения до 1/5 общего состава, «Такой порядок,- считал Вревский,- необходимо сохранить на неопределенное будущее, пока

обрусевшее поколение туземцев не окажется на высоте восприятия благ самодержавия».

Узко националистическая политика Вревского, естественно, получила резонанс во всех звеньях чиновничьего аппарат, характерной чертой которого было беспрекословное выполнение воли начальника. Заслуживает внимания характеристика: чиновников, стоявших ниже в иерархии бюрократического управления, данная князем Мансыревым - членом поземельно-податных комиссий в Туркестане в 1895-1898 годах. Вот что он пишет: «На месте чиновников... застал касту, замкнутую в самой себе, самодовлеющую и самодовольную, которая смотрела на себя, как на настоящих и единственных хозяев в крае, перед коим край должен трепать и воздавать почести и мзду». Низкий нравственный уровень, тщеславие, корыстолюбие большинства туркестанских чиновников заставили князя Мансырева сделать вывод о том, что «... в крае осуществляется в натуре крепостное право администраторов над всем населением».

Напряженное состояние в туркестанской деревне еще более осложнялось методами работы администрации Вревского, в частности чиновников поземельно-податных комиссий, определявших размеры податей и налогов и подлинность документов местного населения на владение землей.

Приказы туркестанской администрации, обязывали: коренное население «с почтением и уважением» относиться ко всем представителям царевой власти. Для того, чтобы представить, как достигалось это «почтение» приведем высказывание Мансырева о посещении им одного из местных базаров. «Когда мы были в нескольких десятках саженой от базара, то внезапно во весь карьер незнакомцы, так же, как и мой джигит, помчались на базар, врзались в тысячную толпу, которая была на этом базаре, и начали изо всех сил угощать присутствующих там торговцев и покупателей ударами нагаек, не разбирая, по чему эта нагайка, попадет. Оказывается, это в обычае. Для внушения наибольшего почтения к местным чиновникам практикуются

такого рода встречи туземного населения с представителями русской власти. Подобный разбой «среди белого дня» был типичен для существующего режима.

Введение в 1892 г. в Туркестане положения «об усиленной охране» было еще одним шагом вперед в деле административного произвола. В соответствии с ним репрессивные меры властей часто принимали форму военных экспедиций для подавления народных волнений и восстаний. Однако при этом вырисовывается четкая закономерность: чем больше было беззакония и произвола со стороны колонизаторов, чем разнузданнее они вели себя по отношению к народу, тем быстрее созревали наиболее радикальные формы борьбы.

В отличие от своих предшественников Духовской выступает инициатором изучения мусульманского вопроса в широком масштабе. Им был составлен «всеподцанейший» доклад «Ислам в Туркестане», в котором в качестве мер по «сближению христиан с мусульманами» предлагалось: всем служащим края «возможно тщательнее знакомиться с религиозным бытом мусульман»; библиотекам и, канцеляриям всех учреждений иметь главнейшие справочники и руководящие сочинения об исламе на русском языке; регулярно издавать «Сборник материалов по мусульманству»; установить цензуру всех мусульманских изданий и т.д. Все эти предложения остались лишь на бумаге. В ноябре 1899 г. Духовской был отозван из Туркестана. Его заменил Н.А. Иванов, сподвижник Черняева и Кауфмана в военных акциях царизма в 60-70-е годы. Он был поистине «среднеазиатским», ибо его становление как военного и администратора происходило в Туркестане. От хорунжего конное-артиллерийской батареи в отряде Черняева, дослужился до генерала в 1883 г. и от уездного начальника добрался до генерал-губернаторского поста.

Несовершенство системы управления краем не было секретом для Н.А. Иванова, с его почти - 35-летним опытом службы. Он, как и многие его предшественники, сначала пробует: себя на законотворческом поприще. По

его поручению, правитель канцелярии тайный советник Нестеровский выезжает на места и собирает в Ташкенте многочисленные комиссии, анализирует рекомендации и предложения по составлению нового законодательного положения об управлении Туркестаном. Вся эта работа длится три с половиной года (до сентября 1903 г.), не дав никаких существенных результатов. Правовые и практические решения по социальным, экономическим и административным вопросам в проекте Нестеровского были рассчитаны, как и прежде, на бюрократию, без какого-либо участия в них самого туркестанского общества. Именно в силу этого обстоятельства проекту суждено было лишь пополнить архивы канцелярии туркестанского генерал-губернатора.

Предметом же особых забот Н.А. Иванова становится борьба с распространением социал-демократических, эсеровских и других идей, с нарастающим рабочим движением на Среднеазиатской и, Оренбург-Ташкентской железной дороге. Видимо в связи с этим он предпринимает довольно частые поездки - по областям: в 1901 г. - дважды в Закаспийскую и Семиреченскую, в 1902 г. - в Сырдарьинскую и Ферганскую, в 1903 г. - в Самаркандскую область.

К.К. Пален в своем отчете положительно оценивает эту сторону деятельности Иванова указывая, что С.М. Духовской за два с половиной года таких объездов не предпринимал вовсе. Вместе с тем К.К. Пален упрекает Н.А. Иванова в том, что он «за свое более чем трехлетнее пребывание в должности генерал-губернатора... ни разу не извещал вышестоящие инстанции о нуждах вверенного ему края». Несправедливость такого упрека К.К. Палена, однако, подтвердит архивные источники.

Так, Н.А. Иванов буквально бомбит вышестоящие инстанции донесениями о беспокойной обстановке в крае, о деятельности во многих городах «государственных преступников», (т.е. политических ссыльных), указывая, что «это большое зло, не только безусловно вредное, но и опасное». Обращает внимание министра внутренних дел фон Плеве на

распространение «агитаторской деятельности: государственных преступников в среде воспитанников средне-учебных заведений» и просит его личного содействия «к полному прекращению высылки в край таковых». Но вместо личного содействия получает лишь рекомендации самому заняться «распределением подобного рода лиц во вверенном ему крае», действуя по своему разумению Министру было не до Туркестана. Агонизировал режим в сердце империи. Во избежание этой агонии Плеве был занят подготовкой более важной акции – «маленькой победоносной войны» с Японией.

Далее начинается, как известно, Первая русская революция и вместе с ней генерал-губернаторская «чехарда» в Туркестане. В мае 1904 г. умирает Иванов; в ноябре 1905 г. в самый разгар всеобщей политической стачки в Туркестане скоропостижно скончается его преемник генерал-губернатор Н.Н. Тевяшев; в декабре 1906 г., впервые в истории колониального режима, отстраняется от должности очередной генерал-губернатор Д.И. Суботич с формулировкой «за потворство революционным настроениям в крае».

Император Николай II строго следил за тем, чтобы генерал-губернаторами назначались преданные ему люди и непременно черносотенного толка. И среди губернской администрации Туркестана, до и после Д.И. Суботича, не было обвиненных в либерализме. Все генерал-губернаторы проявляли самое пылкое верноподданническое усердие, были обласканы царями и, как правило, отмечены много кратными наградами и привилегиями.

Сенатор К.К. Пален обвиняет Д.И. Суботича в «игнорировании политических событий», происходивших в Туркестане. Обоснованность такого обвинения подтверждают факты: весна и лето 1906 г. были отмечены ослаблением репрессий, восстановлением и оживлением деятельности разных политических организаций, проведением двух Туркестанских конференций РСДРП (в феврале и сентябре 1906 года), делегатского съезда туркестанских железных дорог, (в июле 1906 г.), созданием широкой сети

профсоюзов, превращением газет «Самарканд». «Русский Туркестан» в легальные печатные органы социал-демократических групп Самарканда и Ташкента и т.д.

Более того, вопреки указаниям из Петербурга «действовать твердо, самым решительным образом, без всяких колебаний», Д.И. Суботич допускает серьезные волнения в войсках туркестанского военного округа, особенно грозные в гарнизонах Ташкента, Ашхабада и Красноводска (летом 1906 г.).

Предпринимаются новые шаги, по усовершенствованию системы преследований, участников революционных событий. В полной мере в этом преуспел очередной генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Его действия не противоречили установившимся карательным «традициям». Изменилась тактика и методы управления – «взбунтовавшаяся окраина» потребовала гораздо больших усилий для наведения «порядка». Потребовалось строить новые полицейско-наблюдательные пункты в городах и селах, нанимать конных стражников, создавать органы политического сыска, своевременно издавать инструкции об «организации засады, производства обыска, о поведении и действиях чинов полиции в момент засады и обыска, о собирании улик и составлении докладов», расширять сеть тюрем и арестных домов и пр. Безотказно работает при нем и судебная машина. Основная масса осужденных, как следует из рапорта Гродекова в Петербург, за «проступки против порядка управления», «нарушение порядка, и спокойствия», «оскорбления чести и угрозы против порядка управления», «нарушение тишины и спокойствия», «оскорбления чести и угрозы против должностных лиц». 65 летний генерал трудится с большим усердием и полностью восстанавливает, после истории С Суботичем. «доброе имя» колониальной администрации в глазах Николая II.

Для народов Туркестана это были страшные годы террора и жестоких репрессий, годы тяжелых испытаний. После Гродекова пост генерал-губернатора ненадолго (всего 9 месяцев) переходит к Мищенко, который по

словам К.К. Палена «следствии кратковременности пребывания в должности не успел провести сколько-нибудь крупных мероприятий».

С 1909 по 1914 года, пост туркестанского генерал-губернатора занимает А.В. Самсонов. В Туркестане Самсонов воюет с врагом внутренним, отправив на виселицу 14 русских солдат за восстание в Троицких лагерях под Ташкентом против жутких условий службы и бесчеловечного обращения офицерского состава и 223 человек на каторжные работы в Сибирь. При этом хладнокровно рапортует в Главный штаб: «Судимые по законам военного времени подстрекатели и участники вооруженного восстания понесли заслуженную кару», Самсонов не скрывал, что он сторонник «максимального кровопускания», считая, что только оно укажет «обществу бесцельность таких выступлений и силу государственной власти». В то время административная деятельность Самсонова в Туркестане совпала с периодом интенсивного промышленного строительства, и он провел ряд мер в интересах царского правительства в этом направлении.

С июля 1914 по февраль 1917 года в Туркестане сменилось еще 4 начальника; три временных, генералы Флуг, Мартсон, Ерофеев, последний «законный» - А.Н. Куропаткин.

Пришлось срочно искать новую кандидатуру на пост генерал-губернатора, более гибкого, не слишком грубого. Им стал А.Н. Куропаткин, отозванный из действующей армии. Известный историк М.Н. Покровский так интерпретировал его назначение туркестанским генерал-губернатором: «К 1917 году Куропаткин давно сошел со сцены, с ответственных постов царской России. Политики он более не вершил, как о стратеге о нем больше никто не говорил, Попытка командовать одним из фронтов прошла совсем бесцветно и под коней; войны и империи Куропаткин должен был довольствоваться совсем скромным для старого боевого генерала положением «туркестанского генерал-губернатора» за тысячи верст от фронта.

Здесь его задачи были больше полицейские, чем военные, с сартами и киргизами воевать было куда легче, нежели с немцами и, повесив несколько десятков человек, неудавшийся победитель микадо блестяще разгромил среднеазиатскую революцию 1916 года.

На подавление восстания были использованы крупные военные силы, действовавшие до 26 января 1917 г. По официальным данным было использовано 14 батальонов, 33 сотни, 42 орудия, 69 пулеметов. К суду было привлечено более 3000 человек.

Вместе с тем в условиях все углублявшегося политического и социально-экономического кризиса Куропаткин пытается начать кампанию «примирения» колониальной администрации с верхами коренного населения, что нашло отражение в нескольких его указах. Например, национальная буржуазия была привлечена в состав «новоиспеченных» областных, уездных и городских комитетов по освобождению от найма некоторых категорий населения. Среди них - представители духовенства, почетные и лично почетные граждане, чиновники и служащие правительственных учреждений. Санкционирована была практика найма рабочих по месту приписки. Наконец, было принято решение об отсрочке мобилизации коренного населения на тыловые работы до 15 сентября 1916 г. Кроме того, как об этом говорилось в предыдущей главе, была начата разработка нового положения об управлении: Туркестанским краем. Однако все эти меры лишь на время притушили пожар в коренных областях, не смогли остановить его распространение на казахские, киргизские и туркменские районы.

Закончил свою карьеру Куропаткин сотрудничеством с Советской властью. В «Красной газете» от 26 июля 1923 г. по этому поводу говорилось следующее: «Думается, что Куропаткина придется причислить к группе тех царских сановников, которые честно работали для Советской России». Работал он в селе Шешурино Псковской губернии на должности «избача², т.е. библиотекаря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суть колониальной системы власти в исследуемый период определялась не только экспансионистской политикой царизма, господством самодержавия, эго центристскими пороками отношений между центром и регионом, но и спецификой исторического развития России, ее колониальными традициями и опытом, накопленным в иные исторические периоды. Исходя из этой исторической наследственности, в Туркестане создавалась система с четкой ориентацией на военное насилие, методы внеэкономического и экономического принуждения, разрушение прежних механизмов национальной государственности и насаждение основ российской, на подрыв возможностей естественной эволюции региона на национальной основе.

Качественные изменения базовой модели, ориентированной на свободное развитие капитализма и буржуазные реформы, из-за социальной слабости это: процессов в самой метрополии, играли в Туркестане, на первых порах, подчиненную роль. Общие тенденции развития системы в 60-е - середине 80-х годов носили военно-феодальный и полукрепостнический характер. Они обусловили колониальный тип политического и экономического развития Туркестана, который форсировался царизмом, создавал серьезные диспропорции роста, связанные с расстыковкой заимствуемых более развитых организационных форм с традиционными региональными структурами доколониального периода.

В основе процесса организации колониальной системы власти выделяются следующие главные ее компоненты:

- размежевание оккупированной территории среднеазиатских ханств, и унификация составляющих ее единиц по российскому образцу и юрисдикции;
- централизация военной- гражданской и судебной власти у российской бюрократии, занявшей и контролировавшей все ключевые узлы системы;

- институционализация и рационализация аппарата в целях ускоренного введения дешевой и эффективной для казны системы эксплуатации богатейших материальных и людских ресурсов края.

Вместе с тем имела место и опосредствованная ориентация на использование некоторых традиционных для азиатского общества, социально-правовых и административных институтов и норм, которые служили реализации колонизаторских задач царизма, создания социальной опоры и «агентурной» кадровой базы на местах.

Эти институты, созданные на «выборной основе» из узкого и тонкого слоя лояльных и царскому режиму представителей коренного населения, с трудом поддавались координации и интеграции с краевыми, областными и уездными структурами и государственными учреждениями, состоявшими из военизированной русской бюрократии. Даже при высокой степени централизма и «бдительной» опеке со стороны царских чиновников они не были «рационально» организованы и лишь формально соответствовали системе, именовавшейся, по аналогии с кавказской, «военно-народной». Они не способствовали созданию широкой и надежной социальной базы для нового режима, как это предполагалось в «верхах». Их деятельность вызывала осуждение и отчуждение среди коренного населения Туркестана и служила индикатором острейших политических и социальных конфликтов с властями

Абсолютизация насилия и использование его в качестве универсального средства решения всех проблем является характерной чертой режима и в конце XIX - начале XX века. Практическим следствием этого курса было расширение и укрепление имперских стереотипов управления на основе законодательных актов 1886 года и скорректированных российскими министерствами и ведомствами многочисленных и разнообразных по характеру указов, постановлений и директив, закрепляющих доминирующие позиции военно-административной казенно-бюрократической системы и

подтверждающих реальную власть российского чиновничьего аппарата во всех жизненно-важных сферах туркестанского общества.

Эволюция колониальной системы власти в буржуазном направлении проявилась в разделении административных и судебных функций, создании института судебных следователей, прокурорского надзора, адвокатуры и присяжных поверенных в соответствии с новыми буржуазными судебными уставами империи. Являясь своеобразным противовесом военно-административной системе, они в то же время, имея строгие цензовые ограничения, охватили своим влиянием лишь верхние и средние слои русского населения региона. Новое правосознание и право неприкосновенности; собственности, провозглашенное либеральными уставами, не коснулось подавляющего большинства коренных народов, которые по-прежнему пользовались услугами «народных» судов, полностью контролируемых царскими чиновниками превратившихся к началу века в один из важных рычагов влияния колониального режима.

Разрыв между интересами народов Туркестана и диктаторским режимом резко и быстро увеличивался. Нестабильность и острая социальная конфликтность в обществе ставит на повестку дня расширение социальной базы колониальной системы за счет ее реформирования, полного переподчинения волостных и сельских структур русскому аппарату, как в России, дальнейшего стимулирования переселенческого движения вплоть до орошаемых зон коренных областей, усовершенствования карательных функций власти.

Двигаясь от насилия к насилию, система расширяла зоны подсудности военным, военно-полевым и особым судам, вводила новые органы жандармского надзора и политического сыска, расширяла полицейские полномочия всей администрации снизу доверху, систематически: применяла чистки, ссылки и аресты инакомыслящих и недовольных колониальным режимом. Ограниченная имперской ментальностью, насквозь пропитанная

великодержавностью и шовинизмом, система не поддавалась коренному реформированию и под напором Февральских событий пала,

Анализ личного состава бюрократии в исследуемый период свидетельствует о том, что у власти на всех уровнях оказался тот эшелон руководителей, который исторически - своим происхождением, образованием, имущественным положением, накопленным жизненным опытом и имперской психологией - был подготовлен к проведению колонизаторского курса в отношении народов Туркестана или косвенно содействовал этому, Гегемонистские тенденции в полной мере были воспроизведены в структуре, функциях и «технологии» управления бюрократии. Проявляются и действуют те тенденции в ее развитии, которые имели место и в России: происходит количественный рост чиновничества, растет его дифференциация и функциональная специализация, усиливается поляризация высшей, средней и низшей групп по таким параметрам, как материальное положение, образование, привилегии, степень компетентности и т.д.

Существенной специфической чертой чиновничьего аппарата в Туркестане, несмотря на высокую ее оплачиваемость, в сравнении с внутренними губерниями империи, являлась высокая степень коррумпированности и ставка в действиях на грубую силу.

Таким образом, колониальная система власти, действовавшая в Туркестане на протяжении второй половины XIX – начала XX-го столетия, лишила его народы национальной государственности, отрезав возможные пути их самостоятельного участия в обще цивилизационном развитии на национальной основе, нанеся серьезный ущерб социокультурным параметрам общества и заложив предпосылки насильственно его советизации в новейшее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Официальная литература:

- 1.1. Каримов И.А. От региональной проблемы с глобальной проблемы // Родина священна для каждого. Т.3. – Т.: Узбекистан, 1996
- 1.2. Каримов И.А. От региональной безопасности с глобальной безопасности // По пути созидания. Т.4. – Т.: Узбекистан, 1996.
- 1.3. Каримов И.А. От сильного государства к сильному обществу. – Т.: Шарк, 1998. Каримов И. А. По пути безопасности и стабильного развития. Т.6.-Т., Узбекистан, 1998. – 359 с.
- 1.4. Каримов И.А. Свое будущее мы строим своими руками. - Т.: Узбекистан, 1999. Т. VII, – С. 149-150.
- 1.5. Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего // Своё будущее мы строим своими руками. – Т.: Узбекистан, 1999. Т.7.
- 1.6. Каримов И.А. Юксак маънавият – энгилмас куч. –Т.: Маънавият, 2008. – - 160 б.
- 1.7. Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Т.: Узбекистан, 2011.

II. Основная литература:

2. 1 Абаза К.К. Завоевание Туркестана. – СПб., 1902, 311с.
2. 2 Абдурахимова Н.А., Садыков А.С., Шамамбетов Б. Политические процессы в Туркестане. (1905-1917 гг.), – Нукус, 1988, 142с.
2. 3 Азадаев Ф.А. Ташкент во второй половине XIX в. Очерки социально-экономической и политической истории. – Т., 1959, 242с.
2. 4 Аминов А. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX столетия до первой мировой войны). – Т., 1959, 298с.
2. 5 Аминов А., Бабаходжаев А. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. – Ташкент, 1966, 210с.
2. 6 Ахмеджанов Г.А. Советская историография присоединения Средней Азии к России. – Т.,1989, 156с.

2. 7 Ахунова М.А., Лунин Б.В. История исторической науки в Узбекистане. – Т.,1970, 210с.
2. 8 Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – Алма-Ата, 1966, 215с.
2. 9 Вахабов И.Г. Ташкент в период трех революций. – Ташкент, 1957, 284с.
2. 10 Вексельман М.И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии. Конец XIX – начало XX в. – Ташкент, 1987, 145с.
2. 11 Галузо П.Г. Туркестан - колония. – М.,1929, 235с.
2. 12 Гапуров М.Г., Росляков А.А., Аннанепесов М. Братство навеки. К 100-летию добровольного вхождения Туркменистана в Россию. – Ашхабад, 1983, 215с.
2. 13 Гессен В. О судебной власти. Сб. Судебная реформа. Т.1. – Москва, 1915. 285с.
2. 14 Гирс Ф.К. Отчет о состоянии Туркестанского края. – СПб.,1883
2. 15 Граменицкий С. Очерки о развитии народного образования в Туркестанском крае. – Т., 1896, 79с.
2. 16 Григорьев В.В. Русская политика в отношении Средней Азии. – СПб., 1874. 88с.
2. 17 Гуламов Х.Г. Из истории дипломатических отношений России с Бухарским ханством. – Т.,1992. 108с.
2. 18 Давлетов Дж., Ильясов А. Присоединение Туркмении к России. – Ашхабад, 1972, 97с.
2. 19 Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России ХУІ века и ее роль в формировании абсолютизма. – М.,1937. 131с.
2. 20 Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. – Т., 1912, – С.499.
2. 21 Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983. 351с.
2. 22 Зияев Х.З. Средняя Азия и Поволжье (вторая половина XVI-XIX вв.). – Т., 1965. 165с.

2. 23 Зияев Х.З. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI-XVII вв. – Т., 1983, 167с.
2. 24 История и историография национально-освободительного движения второй половины XIX – начале XX в. в Средней Азии и Казахстане. – Т., 1989. 134с.
2. 25 Карр Э.Х. История Советской России. Т.1-2. – М., 1990.
2. 26 Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края. 1865-1917 гг. – М., 1980
2. 27 Кауфман А.А. Переселение и колонизация. – СПб., 1905
2. 28 Ковалев П.А, Революционная ситуация 1915-1917 гг. и её проявления в Туркестане. – Т., 1971
2. 29 Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. – М., 1980
2. 30 Кологривов Ю.В. Русские владения в Средней Азии.– СПб., 1898
2. 31 Косбергенов Р. Прогрессивное значение присоединения Каракалпакии к России. – Нукус, 1973, 520с.
2. 32 Костенко А. Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской государственности. – СПб., 1871. 195с.
2. 33 Крафт Н.И. Судебная система в Туркестанском крае и степных областях. – Оренбург, 1898, 187с.
2. 34 Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. Буржуазная колонизация Средней Азии. – Л., 1930. 180с.
2. 35 Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках. – Т., 1986, 143с.
2. 36 Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. – СПб., 1900. 250с.
2. 37 Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. – Т., 1958, 320с.
2. 38 Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX - начало XX вв. – Т., 1962, 345с.
2. 39 Макшеев А.И. Исторический обзор Туркестана.– СПб., 1909. 376с.

2. 40 Медушевский А.Н. Государственный строй России периода Феодализма. Зарубежная историография. – М.,1989. 256с.
2. 41 Муравейский С. Очерки по истории революционного движения в Средней Азии. – Т.,1926. 37с.
2. 42 Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению сенатором графом К.К. Паленом, Сельское управление: русское и туземное. – СПб., 1910,
2. 43 Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Краевое управление. – СПб., 1910.
2. 44 Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края. Полиция безопасности. – СПб., 1910.
2. 45 Пашино П.Н. Туркестанский край. –СПб.,1868. 176с.
2. 46 Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – М., 1923. 130с.
2. 47 Романовский Д. И. Заметки по среднеазиатскому вопросу. – СПб., 1868. 291с.
2. 48 Савицкий А.П. Поземельный вопрос в Туркестане. – Т., 1963, 208с.
2. 49 Садыков А.С. Россия и Хива в конце XIX - начале XX в.– Т., 1972, 182с.
2. 50 Садыков А.С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX - начале XX в. – Т., 1965, 182с.
2. 51 Сафаров Г. Колониальная революция. (Опыт Туркестана). –М., 1921. 360с
2. 52 Соколов Ю.А. Ташкент, ташкентцы и Россия. – Т.,1965, 188с.
2. 53 Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября. Коллективная монография. –Т., 1973. 235с.
2. 54 Такер Р. Сталин. Путь к власти.1879-1929. История и личность. – М., 1990
2. 55 Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии.Т.1-3. – СПб., 1906.

2. 56 Терентьев М.А. Россия и Англия в борьбе за рынок сбыта. – СПб., 1876. 264с.
2. 57 Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М., 1991. 430с.
2. 58 Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в ХУШ в. Формирование бюрократии. – М., 1979. 350с.
2. 59 Турсунов Х.Т. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. – Ташкент, 1962. 428с.
2. 60 Тухтаматов Т.Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX начале XX в.–Т., 1966. 178с.
2. 61 Фиолетов Н. Судопроизводство в мусульманских судах Средней Азии (Суды казиев). –Ташкент, 1910. 78с.
2. 62 Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России. – М.,1965, 272с.
2. 63 Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. – М., 1974. 280с.
2. 64 Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. – Т., 1969. 260с.
2. 65 Хидоятов Г.Д. Британская экспансия в Средней Азии. – Т.,1981. 213с.
2. 66 Чижов Б. Генерал-адъютант К.П. фон Кауфман. – Пг.,1915,– С.8
2. 67 Чижов Б. Культурные преобразования К.П. Кауфмана в Туркестане. – Одесса, 1915, – С.16
2. 68 Юлдашев А.М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX - начало XX в.). – Т., 1969. 256с.
2. 69 Юнусходжаева М. Из истории землевладения в дореволюционном Туркестане. – Т.,1970. 113с.

III. Периодическая литература

3. 1 Аннанепесов М.А. Присоединение Туркменистана к России: правда истории // История СССР, 1991, № 5
3. 2 Блиев М.М. О некоторых проблемах присоединения народов Кавказа к России. //История СССР, 1991, №6,

- 3.3 Блиев М.М., Дегоев В.В., Киняпина Н.С. Современная буржуазная историография политики России на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке, ж. «Вопросы истории», 1988, № 4
- 3.4 Вопросы социально-экономической истории дореволюционного Туркестана. Сб. науч. тр. – Т., 1985
- 3.5 Газета «Биржевые ведомости», № 188, 28 июля 1867
- 3.6 Газета «Москва», № 53, 8 марта 1867
- 3.7 Каплун В.Н. Положение об управлении Туркестанского края. Журнал Министерства юстиции, 12-19, – СПб., 1903
- 3.8 Киняпина Н.С. Административная политика царизма в Средней Азии в XIX веке. //Вопросы истории .1983, №4
- 3.9 Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. – Ташкент. 1955.
- 3.10 Материалы по истории, историографии и археологии. Сборник научных трудов ТашГУ, вып.441, – Т.,1973 вып.517, –Т.,1974 вып.556, – Т.,1978 вып.630, –Т., 1980 вып.582, –Т.,1981
- 3.11 Печкина М.В. К вопросу о Формуле – «наименьшее зло». //Вопросы истории, 1951, № 4
- 3.12 Рыскулов Т. Об историках туркестанской революции: По поводу одной статьи, появившейся в печати. //Туркестан, 1922, 22 ноября
- 3.13 Якунин А.В.О применении понятия «наименьшее зло» в оценке присоединения к России нерусских народностей. //Вопросы истории, 1951, № 11

IV. Интернет источники

- 4.1 http://bibliofond.ru/download_list.aspx?id=71697
- 4.2 http://historick.ru/view_post.php?id=187&cat=15
- 4.3 http://historick.ru/view_post.php?id=190&cat=15
- 4.4 <http://semirechye.rusarchives.ru/zakonodatelstvo-ob-upravlenii>
- 4.5 <http://vsemirnaya-istoriya.ru/index.php?option=com>
- 4.6 <http://www.1916.kg/ru/articles/kolonialnaya-sistema-vlasti>

- 4. 7 <http://www.hrono.ru/dokum/turkestan1892.html>
- 4. 8 <http://www.prlib.ru/history/pages/item.aspx?itemid=423>
- 4. 9 <http://www.vostlit.info/>